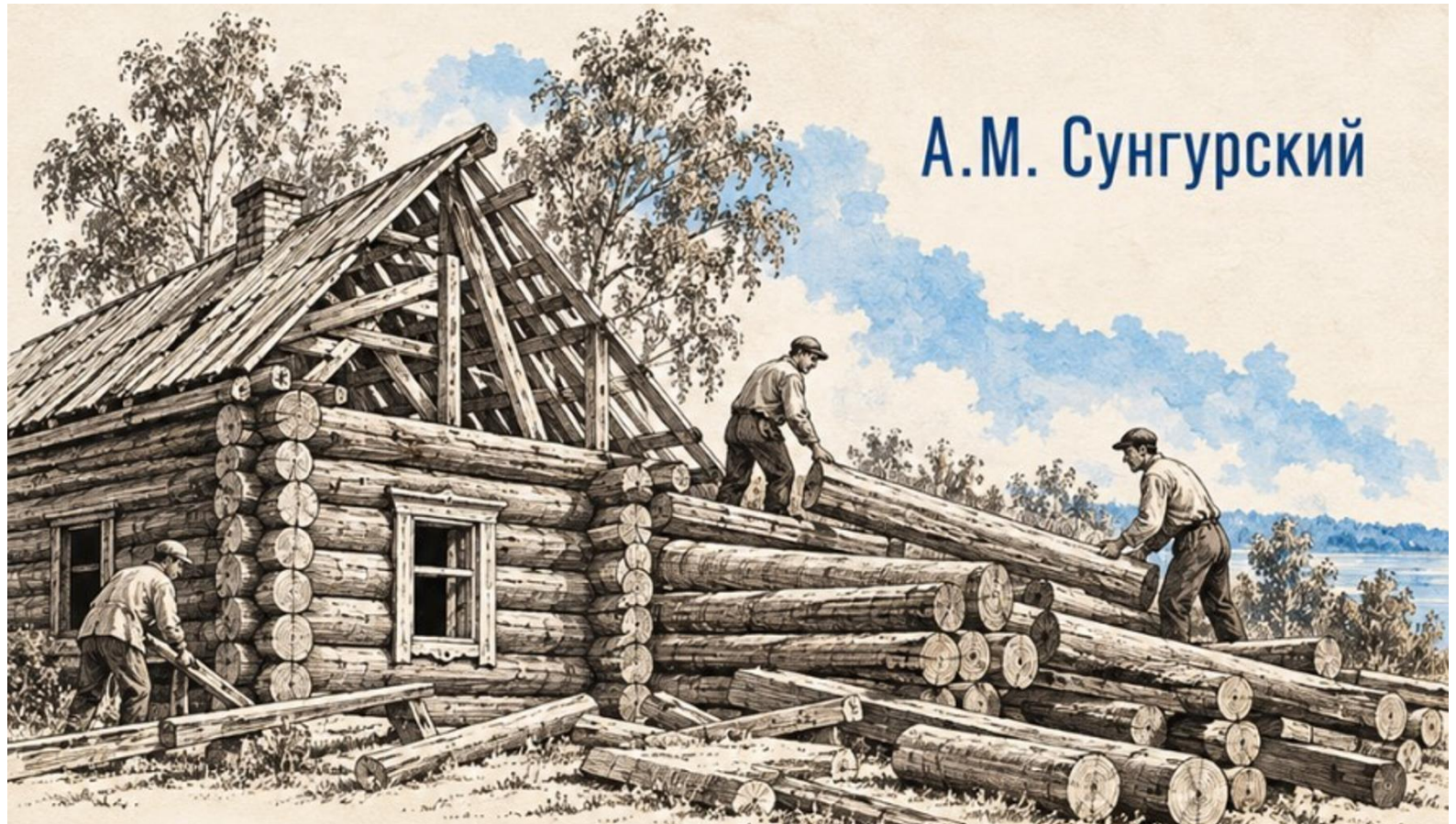

А.М. Сунгурский

Берег, которого больше нет

А.М. Сунгурский

Берег, которого больше нет

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Берег, которого больше нет / А. Сунгурский — «Автор», 2026

В 1936 году Соколовы узнают о предстоящем переселении из Мологи. Семья решает перевезти деревянный дом в Рыбинск. Варвара надеется: если сберечь свои стены, детям всегда будет куда вернуться. Дом соберут заново, но в нём окажутся совсем другие жизни. Михаил выберет большую стройку, Нина — работу и взрослую любовь, Павел уйдёт на войну. Потом вырастут внуки, для которых Молога — только рассказы старших. И им тоже придётся выбирать между своими планами и тем, чего от них ждут родные. Историческая семейная сага о том, как пережить утрату родины и не потерять близких, которые не хотят жить твоей жизнью.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пока есть свет	5
Глава 2. Не по мерке	12
Глава 3. Держать прямо	18
Глава 4. Место для дома	23
Глава 5. Зелёный ящик	28
Глава 6. Чужая кровать	33
Глава 7. Нижний венец	38
Глава 8. Гостя	42
Глава 9. Без крыши	47
Глава 10. Врозь	51
Глава 11. Четвёртая стена	55
Глава 12. Первая зима	59
Глава 13. Невеста в доме	63
Глава 14. Тамара	66
Глава 15. Пустая постель	70
Глава 16. Апрельская вода	74
Глава 17. Двадцать второе	77
Глава 18. Кому обратно	80
Глава 19. Не сейчас	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

А.М. Сунгурский

Берег, которого больше нет

Глава 1. Пока есть свет

Варвара велела сыну придержать раму, а сама полезла на табурет с ножом и полосой старого полотна. Из окна выдувало прямо на постель. До настоящего холода оставалось ещё время, но вчера Яков принёс первую вязанку дров под навес, и с этого дня всё, чего не сделали летом, стало недоделанным к зиме.

— Не на себя, Павлик. К стене прижимай.

— Я прижимаю.

— Так держи крепче, она шевелится.

Павлик стоял на коленях на широком подоконнике, лицом к окну, и ладонями прижимал раму к стене. Ступни в залатанных чулках свисали в комнату. Варвара устроилась правее на табурете, отодвинула его ступню и поддела ножом засохшую замазку; кусочек отскочил Павлику за ворот.

Он задёргался.

— Не отпускай!

— Кусается!

Варвара зажала раму плечом, вытащила за воротник кусочек и показала ему на ладони.

— Зверь какой. С пальцем.

Павлик засмеялся, но колени у него уже болели. Мать это видела; оставалось закончить одну щель, и тогда можно было бы отпустить его со спокойной совестью. Она затолкала ткань глубже, провела вдоль неё тупой стороной ножа. Получилось ровно, только внизу торчал синий кончик. Когда-то из этого полотна было сшито её платье, потом передник, потом нижняя часть рукава на Павликовой рубашке. Последний лоскут должен был уберечь ребёнка от сквозняка.

— Всё. Слезай.

Мальчик спустился на пол и придержал мать за локоть, пока она сходила с табурета. Варвара положила нож возле тряпок и посмотрела на окно со стороны: синий кончик почти не виден.

За спиной открылась дверь. Нина вошла с платьем на вытянутых руках, словно несла поднос с полной посудой.

— Мама, ты не видела катушку? Зелёную.

— Где положила, там и лежит.

— Если бы там лежала, я бы у тебя не спрашивала.

Павлик метнулся к двери, пока мать не вспомнила другую работу. Нина пропустила его, обернув платье вокруг собственной руки, но он всё-таки задел подол. На ситце остался серый след.

— Ах ты поросёнок!

— Отряхни, — посоветовала Варвара. — Ничего ему не будет.

— Павлику точно ничего не будет.

Она вынесла вещь в сени. Ей было девятнадцать, она шила уже лучше матери, а за работу всё ещё получала столько, сколько заказчица считала нужным дать дочке знакомой женщины. Платье принесла учительница из Павликовой школы: в талии тесно, на плечах свободно, и нужно как-нибудь переделать к воскресенью, только материала больше нет. Нина вчера до полуночи выпарывала боковые швы, а утром объявила, что учительница хочет вырасти сразу в двух направлениях и требует от платья верности прежнему размеру.

Варвара тогда смеялась. Теперь она собирала крошки замазки с подоконника и думала о муке: вечером ждали Мишу, он приезжал из Рыбинска не каждую неделю, и к его приезду хотелось испечь пирог. Со щавелем было поздно, капуста ещё не дошла. Оставалась картошка. Миша ел любую начинку, но Нина наверняка скажет, что картошка и так в доме каждый день.

— Зелёная в чашке с пуговицами, — крикнула Варвара в сени. — Я её убрала, кот катал.

— Так что же ты сразу не сказала?

— А ты сразу не спросила, не убирала ли я.

Из сеней донеслось выразительное молчание. Варвара улыбнулась и пошла к печи.

Сентябрь в Мологе в тот год долго не решался стать осенью. Утром на траве стояла холодная роса, а днём солнце грело плечи через кофту. В кухонное окно летели мухи, одуревшие от своего долголетия. Варвара выгнала двух полотенцем, третью оставила: села высоко, не достаешь. На плите доходил чугунок с картофелем, в миске под полотном поднималось тесто. Ей нравился этот час перед возвращением домашних, когда работа уже была начата и ещё не пришлось подавать на стол. Можно было верить, что все придут вовремя.

Яков задерживался. Он с утра поработал, потом ушёл на собрание, хотя обычно старался на такие собрания не попадать. Варвара сама напонила: сходи, говорят, будут толковать о переселении. С прошлого года про большую воду знали, пересказывали друг другу, сколько дадут за дома, куда поедут, кого оставят до последнего. Соседка Матрёна уверяла, что сперва насыплют вокруг города вал; другой сосед смеялся над ней и спрашивал, не захочет ли она жить на дне кастрюли. Варвара не спорила ни с тем, ни с другой. Про воду говорили много, а хлеб пока следовало вынимать из печи вовремя.

Она накрыла стол для раскатки, высыпала немного муки. Нина вернулась с платьем и села у окна. Зелёная нитка наконец нашлась; оказалась на оттенок темнее, чем нужно. Девушка поднесла её к ткани, прищурилась и вздохнула.

— Под руками не видно будет, — сказала Варвара.

— Под руками у неё как раз всё видно. Она ими машет.

— За что же тебе платят.

— За то, что я с ней не машу.

Варвара оторвала от теста кусочек и бросила дочери. Нина поймала, сунула в рот и тут же поморщилась.

— Сырое!

— Ты же раньше любила.

— Мне раньше шесть лет было.

— Вот и не рассуждай. Дай соль.

Соль стояла у самой Варвариной руки. Нина посмотрела на неё, на мать и, ничего не сказав, передала солонку через стол. Потом улыбнулась: рассердиться не получилось.

Михаил вошёл со двора, прежде чем кто-нибудь услышал калитку. Он был без шапки, с мокрыми волосами, и нёс под мышкой длинный свёрток. На пороге остановился, втянул носом воздух и сказал:

— А я вовремя.

Варвара сразу вытерла ладони о передник.

— Мокрый откуда? Дождя нет.

— Умылся.

— Где ты умылся?

— У колонки. Мам, да я не из реки вылез.

Она всё равно тронула его волосы. Миша наклонился, чтобы поцеловать её, и свёрток ударил Варвару в локоть.

— Ты хоть свою палку убери.

— Это бумага.

— Тем более.

Он прислонил свёрток к стене, снял пиджак. На локте было светлое пятно. Варвара провела по нему пальцем, Миша отвёл руку.

— Известь. Сам вычищу.

— Ты ел?

— Ел.

— Что?

— С утра.

Нина засмеялась, не поднимая головы. Варвара поставила перед сыном миску с картофелем, велела взять хлеб и только тогда дала ему поздороваться с сестрой. Он наклонился к ней через спинку стула, ткнулся носом в волосы. Нина увернулась.

— Не лезь. У меня иголка.

— Я соскучился.

— А я ещё нет. Отойди к обеду, там посмотрим.

Михаил сел, разломил горячую картофелину. По тому, как он взялся за еду, Варвара поняла: с утра было только питьё. Лицо стало худее, возле виска белела полоска кожи, не тронутая солнцем. На работе Миша теперь снимал шапку, как человек, уже не боявшийся показаться мальчишкой. Она хотела спросить про эту работу первой, до Якова: муж умеет так поставить вопрос, что любой ответ покажется оправданием. Но сын сам сказал:

— Меня взяли.

Нина перестала шить.

— Куда?

— На измерения. К группе, которая на стройке. Я вам писал.

— Ты писал, что подал, — сказала Варвара.

— Теперь взяли. Пока помощником, там посмотрим. Зря, что ли, учился.

Он потянулся за хлебом, обнаружил, что пальцы в земле, и огляделся, ища тряпку. Варвара подала полотенце. Работал он в Рыбинске уже второй год, но до сих пор называл прежнее место «пока». Техническая учёба обещала ему совсем другое будущее; какое именно, Варвара не всегда понимала. Важно было, чтобы платили, чтобы не простудился и чтобы сам был доволен. Сейчас он был доволен до неловкости: даже ел торопливо, будто картошка задерживала новость.

— Это на той самой? — спросила она.

— На той самой, мам.

— Значит, далеко теперь?

— По-разному. Зимой, может, буду ближе. Мне ещё не сказали.

— А ты уже согласился.

Миша прожевал. На лице у него появилось терпеливое выражение, которое Варвара с некоторых пор не любила: так взрослые выслушивают ребёнка, задавшего слишком простой вопрос.

— Согласился.

— Ну и слава богу, — сказала она. — Картошку ешь, остынет.

В сенях застучали сапоги Якова. Он вошёл, долго отмывал руки над ведром, плеснул себе на шею, потом распрямился и увидел сына. Радость у него сперва показывалась в глазах и только потом на лице; Варвара ещё не успела улыбнуться в ответ, а Яков уже спрятал всё за обычным прищуром.

— Начальство приехало.

— Здравствуй, пап.

Они обнялись, стукнув друг друга по спине. Яков отстранил сына за плечи, посмотрел, не вырос ли тот ещё за месяц. Михаил был выше его на полголовы, и это каждый раз будто требовало новой проверки.

— Ну, рассказывай.

— Ты сам рассказывай, — сказала Варвара. — Что у вас там решили?

Муж снял сапоги, отставил их к стене. На его носке торчал большой палец. Утром она дала целые, значит, протёр по дороге. Неужели опять ноготь не обрезал.

— Воду будут поднимать, — ответил он.

— Это мы и так знаем.

— Будем знать ещё раз.

— Яков.

Он сел к столу, взял предложенную миску, но есть не начал.

— Переселять начнут. Не всё сразу. Кому куда, ещё будут разбирать. Говорили, приезжие будут смотреть дома, хозяйство. Объявят.

Из передней появился Павлик. Никто не заметил, когда он вернулся со двора. На щеке у него тянулась чистая полоса, будто он недавно размазывал грязь мокрым пальцем.

— А школу тоже?

— Что школу?

— Переселят?

Яков посмотрел на младшего.

— И школу.

— Со стёклами?

Нина прыснула. Павлик обиделся раньше, чем она объяснила:

— Да тебя в другую запишут, глупый. В каком городе будешь, там и пойдёшь.

— Я не про себя. У нас второе стекло новое. В пятом окне.

— Новое тоже возьмут, — сказал Яков.

Мальчик придвинулся к столу. Михаил посадил его рядом, но Павлик, занятый окнами школы, ещё не обрадовался брату как следует.

Варвара принесла Якову хлеб. Известие было ровно таким, какого ждали, и всё-таки ей захотелось придраться к мужу: неужели там не сказали ничего более вразумительного? Сколько ждать, когда начинать разбирать, откуда взять подводы, как жить зимой? В комнате, где сидели её дети, каждый предмет стоял на своём месте. Даже горшок с геранью повернулся за лето к свету так привычно, что белая трещина на боку стала совсем незаметна. Варвара подняла горшок и развернула трещиной в комнату.

— Куда же нам?

— В Рыбинске места будут, — сказал Михаил. — Строить надо, людей нужно много.

Яков наконец взялся за ложку.

— Тебя спросили, где людей нужно?

— Я и про место говорю.

— Говоришь.

Нина положила платье на колени.

— А я бы поехала.

Мать посмотрела на неё.

— Куда бы ты поехала?

— В Рыбинск. Ты сама спросила.

— Я спросила про нас.

— Так я с вами.

Девушка произнесла это легко, но на щеках у неё появился цвет. Варвара узнала то же выражение, с каким Нина в четырнадцать лет упростила купить туфли на каблуке, а потом неделю ходила в них только по комнате, потому что на улице было больно.

— На что ты там жить станешь?

— Здесь же живу.

— Здесь дом.

Михаил отодвинул миску. Варвара собралась добавить, что в чужом городе одно жильё чего стоит, но сын уже потянулся к своему свёртку. Вытащил из бечёвки несколько листов, расправил самый большой. На бумаге были линии, цифры и широкая синяя полоса. Миша оглядел стол; перед ним оставались крошки, картофельная кожура и солонка.

— Дайте я покажу.

— Только не на тесто, — сказала Варвара.

Яков придержал край листа тяжёлой ладонью. Павлик полез на скамью, чтобы видеть сверху. Нина поднялась и встала за братом. Варвара осталась на своём месте, у печи, с мучным полотенцем в руках.

— Это не настоящий план, я перерисовал, — пояснил Михаил. — Чтобы вам понятно было. Вот Волга. Здесь Молога. Здесь будет подпор.

Яков наклонился ближе.

— А высота где?

— Я же говорю, схема. По ней мерить нельзя.

— Тогда чего нам по ней смотреть?

— Где будет вода.

Миша провёл пальцем. Палец прошёл по бумаге легко, как по чистой доске. Варвара смотрела на маленькие условные квадратики, обозначающие город. На один из них капнул жир с Яковой ложки. Муж быстро отнял ложку, но пятно уже расплзлось по бумаге.

— Ничего, — сказал Михаил. — Это мой.

Павлик прижал к столу противоположный угол, который заворачивался сам собой.

— А наш дом где?

— Здесь только город. Домов нет.

— Квадратики же есть.

— Это так нарисовано.

Павлик не понял, зачем рисовать квадратики, если по ним нельзя найти свой дом. Он искал ещё немного, потом спросил:

— А после обратно выпустят?

Михаил повернул к нему голову.

— Воду?

— Ну. Если надо будет.

— Для чего?

Мальчик замолчал. Вопрос был слишком большой, а ответ очень простой: чтобы выйти на прежнюю улицу, пройти к своему окну и посмотреть, осталась ли синяя тряпка в раме. Павлик тронул бумагу ногтем.

— Может, не всё надо.

Яков убрал ладонь, и лист свернулся от края до середины. Миша придержал его локтем.

— Паш, это станция. Свет будет. Много света, на целые города. Заводы, машины. Если сделать, как положено, это надолго.

Он говорил уже не мальчику, Варвара слышала. Яков тоже слышал; снова взял ложку и стал есть. Нина смотрела на синюю полосу, прикусив нижнюю губу. Она представляла себе что-то своё, и матери вдруг захотелось сказать, чтобы все перестали толпиться над столом. Пирог не будет готов к вечеру сам.

— И нам дадут? — спросила Варвара.

Михаил поднял глаза.

— Свет-то твой. Чтобы в доме.

— Дадут, наверное. Я откуда знаю, мам.

— Вот я и спрашиваю.

Она отодвинула солонку, забрала у сына бумагу осторожнее, чем собиралась. По середине тянулось жирное пятно. Из-за него схема сделалась обычной домашней вещью: уже лежала за этим столом, уже нуждалась в том, чтобы её сохранили до следующего раза.

— Убирай. Давайте мне картошку чистить.

Нина ушла за миской, Павлик взял нож. Михаил засучил рукава и сел рядом с братом. Яков не стал спорить: разделил последнюю картофелину на четыре части, словно её так легче было съесть, и подвинул опустевшую миску жене.

Пока начинку мяли, разговор свернул к работе. Миша рассказывал о старшем в группе, человеке, который мог целый день сердиться из-за одной отметки, а вечером забыть собственную шапку. Павлик смешил брата, передразнивая учительницу. Нина напомнила ему, что сама собирается нести этой учительнице платье, и потребовала уважения к заказчице. Яков засмеялся первым, негромко, почти беззвучно; за ним начали остальные. Варвара слушала, раскатывая тесто. Оно получилось мягким, податливым, под скалкой проступали мелкие пузырьки.

Поздно вечером Миша лёг в передней на своей прежней кровати. Павлик норовил забраться к нему, хотя уже не умещался поперёк. Братья возились, пока Яков не стукнул в стену.

— Утомонитесь, люди работают с утра.

— Мы тоже работаем, — отозвался Михаил.

— Так выпитесь.

Варвара погасила лампу на кухне. Из комнаты ещё немного доносился шёпот, потом стало тихо. Она постояла у двери: младший лежал у края, положив голые ступни на одеяло, старший во сне уже отнял себе половину подушки. На столе, куда Михаил убрал бумагу, жирное пятно просвечивало сквозь свёрнутый верхний лист.

В спальне Яков сидел на краю постели и обрезал ноготь. Варвара молча показала ему дырявый носок.

— Вижу, — сказал он. — Завтра заштопаю.

— Ты мне ещё чулки начни штопать.

Она села рядом и сняла платок. Кожа под волосами ныла: слишком туго завязала с утра. Яков опустил ножницы.

— В Рыбинске можно дом поставить.

Варвара провела ногтями по затылку, освобождая волосы.

— Заново?

— Этот разобрать. Перевезти.

Она посмотрела на него. Слова прозвучали так буднично, будто речь шла о шкафе. Яков ждал; сам он давно уже перебрал эту возможность, только не начал с неё за столом.

— А печь?

— Печь новую.

— И погреб?

— Выроем.

— И всё потом на свои места?

Яков наклонился за носком.

— Что сможем.

Варвара взяла у него носок, расправила дырку на кулаке. Белый палец мужа торчал из-под штанины, и она вдруг рассердилась на него за эту беспомощную смешную ногу.

— Смочь-то должны, — сказала она. — Детей в разные углы не разгонишь.

Яков ничего не ответил. Подвинулся, освобождая ей место на постели. Варвара осталась сидеть, пока не услышала из передней сонный голос Павлика:

— Миш, ты к стенке. Я упаду.

Старший что-то пробормотал и послушно передвинулся. Пружина скрипнула, потом ещё раз. Варвара сложила носок и положила его поверх своей кофты, чтобы утром не искать.

Глава 2. Не по мерке

Клавдия Семёновна встретила Нину в нижней юбке и сразу, ещё до примерки, сказала, что в прошлый раз платье сидело лучше.

— Вы его в прошлый раз в расстёгнутом виде носили, — напомнила Нина.

— Потому к вам и пришла. Надо было в боках чуть-чуть выпустить, а вы всё распустили.

Учительница держала платье перед собой и смотрела на него поверх очков. Лицо у неё было круглое и строгое, с мягким подбородком. В школе Павлик её боялся. Нина знала, потому что дома он изображал её с большой любовью к подробностям: прижимал локти, выпячивал губы и спрашивал у пустого стула, не утомило ли того собственное молчание.

— Давайте наденем, — сказала она.

В комнате работала печь. На стуле перед ней лежали сухари, на другом — связка ученических тетрадей. Клавдия Семёновна освобождала место для примерки так, словно Нина явилась без предупреждения. Переложив тетради на стол, подхватила сухарь, упавший на пол, бросила в печь и только потом позволила помочь ей с платьем.

Нина стояла сзади, сводила края застёжки. Крючки сошлись легко. В талии теперь было свободнее; лишняя ткань на спине ушла, складки легли как нужно. Учительница покрутилась перед зеркалом, подняла руки.

Нина вздохнула.

— А вы без этого попробуйте.

— Как — без этого? Я руками пользуюсь.

— Я знаю. У Павлика спрошу — он мне покажет.

Клавдия Семёновна повернулась так быстро, что Нина испугалась: лишнее сказала. Потом на лице учительницы появилась улыбка.

— Показывает?

— Ну что вы. Я так.

— Вижу я ваше «так». Весь в отца. Тот тоже слушал и точно заранее знал, что я неправильно скажу.

Она снова посмотрела в зеркало. На секунду стала моложе и будто прислушалась к собственному старому голосу. Нина не знала, что учительница успела учить Якова. Хотелось расспросить, каким он был, когда ещё можно было жаловаться его родителям, но разговор уже вернулся к воротнику.

— А тут не тянет?

— Тут только кажется. Повернитесь.

Нина поправила ткань на плечах. Клавдия Семёновна втянула живот, и вся посадка изменилась.

— Дышите вы, пожалуйста.

— Я дышу.

— Тогда чуть глубже. Платье не угадает, какой вы до обеда будете, а какой после.

Учительница посмотрела на неё в зеркало. Нина уже приготовилась извиняться, но та рассмеялась, громко, некрасиво, запрокинув голову. У неё оказались мелкие неровные зубы. Смех шёл ей больше, чем новая выточка.

— Хорошо, — сказала она. — Не обидели. Теперь хорошо.

Нина расправила пояс и отошла. Работу можно было считать законченной. Но пока Клавдия Семёновна переодевалась, пока искала деньги в коробочке, а потом в другой коробочке, зашла соседка. Соседке непременно нужно было посмотреть, как получилось. Учительница снова надела платье. Нина села на край свободного стула и заметила под зеркалом длинную

тёмную расчёску. На зубьях оставались седые волосы; она отвела глаза, будто увидела что-то неприличное.

— И куда теперь, Клавушка? — спросила соседка. — Дом вам будут возить?

— Мне хозяева не докладывают.

— Я думала, это ваше.

— Было бы моё, я бы знала, как с крышей быть. Течёт вторую осень.

Соседка покачала головой, потом обратилась к Нине:

— А вы куда, Соколовы?

— Мы ещё не знаем.

— Вы отец-то держите поближе. Такой мастер везде пригодится. А то нынче люди всякие.

Придёт — и начнёт тебе из трухи дом складывать.

Нина открыла рот, но Клавдия Семёновна опередила:

— Катерина, она деньги ждёт. Дай мне до них добраться.

Она вытолкала соседку в коридор, положила платье на стул и отсчитала Нине плату.

Получилось меньше, чем договаривались. Нина посмотрела на деньги, потом на учительницу.

— Тут ещё надо.

Клавдия Семёновна расправила на столе один мятый рубль.

— Я за простой ремонт платила. А ты сколько на него сидела, мне откуда знать.

— Вы же видели, что я делала.

— Видела. Но ведь материал мой.

Нина почувствовала, как разгораются уши. Обычно в такой момент она говорила, что всё равно, а дома плакала от злости или срывалась на Павлике. Мать велела назначать цену до работы. Цену она назначила, получила согласие, только сейчас это согласие почему-то перестало существовать.

— Материал ваш, — сказала Нина. — И платье ваше. А швы мои. Три вечера мои.

— Ты же дома сидишь. Не с чужой работы пришла.

— С чужой мне было бы не до вашего платья.

Учительница замерла, всё ещё держа мятый рубль между пальцами. Через стену было слышно, как Катерина рассказывает кому-то о крыше. Нина испугалась уже не за плату, а за то, что Клавдия Семёновна пожалуется матери: такая грубая выросла, совсем отбилась от рук.

— Я прибавлю, — сказала учительница. — Но ты в другой раз сразу говори, что дорого выйдет.

Она достала недостающие деньги. Нина взяла их, поблагодарила так, словно благодарность могла вернуть им обоим утраченную любезность. На улице пересчитала ещё раз. Сошлось. Довольной она себя не чувствовала.

День был яркий, прохладный. Поднявшийся ветер погнал по улице сухую шелуху. Нина прижала к груди пустой свёрток и пошла длинной дорогой, мимо пристани. До дома можно было вернуться короче, но там ждали ложки, чулки, мама с вопросом, сколько заплатили. Ей нужно было побыть взрослой хотя бы по дороге.

Накануне вечером она не сказала, для чего ей Рыбинск. Миша заговорил о работе, отец — о доме; её желание снова показалось самым необязательным. Учиться она захотела не вчера. После семилетки собиралась поступать, потом мать простудилась, потом уехал Миша, потом Якову задержали расчёт за работу и стало понятно, что Нинины заказы полезнее любой будущей учёбы. Никто не запрещал. Каждый раз нужно было подождать ещё немного.

У пристани грузчики катили бочку. Один пятился, ругался на товарища, второй смеялся и толкал сильнее. От воды шёл запах сырого дерева, рыбы и угля. Пароход стоял далеко, чёрный бок возвышался над низкими судами. Нина остановилась посмотреть, как женщина в клетчатом платке пытается спустить с подводы корзину. Корзина застряла под лавкой, её ручка упёрлась в доску.

— Снизу, снизу возьмите, — посоветовала Нина.

— Так снизу и беру. Ничего я в вашем мужском деле не понимаю.

Платок у женщины сполз на лоб, закрывая глаза. Нина сунула свой свёрток под мышку, взяла корзину за бок. Вместе они потянули; корзина освободилась так внезапно, что женщина едва не села прямо на неё.

— Господи! — выдохнула она. — А вот и мужское дело кончилось.

Снизу донёлся голос:

— Тётъ Капа, вы без меня не начинайте. Я же просил.

Молодой мужчина поднялся со сходней, вытирая руки тряпкой. Рабочая куртка расстёгнута, рубашка у ворота потемнела от пота. Волосы лежали мокрой тёмной полосой. Увидев корзину уже на земле, он посмотрел на Нину.

— Вы ей помогли?

— Мы обе помогли, — сказала она.

— Спасибо. Куда теперь вас нести?

Нина моргнула. Он улыбнулся, указал на корзину. Тётка толкнула его в плечо.

— Ты девку не морочь. Это Соколова. Якова дочь.

— Знаю. Вы ему посреди работы не подходите, он слышит только с третьего раза.

— А ко мне подходите с первого, — сказала Нина. — Я всё слышу.

Мужчина улыбнулся шире. Капитолина посмотрела на них с одобрением, которое Нине сразу не понравилось: будто разговор уже шёл по чьему-то давнему замыслу.

— Костя у меня, — объявила женщина. — Племянник. С Ракитиных. Ты, может, малого ещё видела. Потом они в Рыбинск перебрались, а он теперь на судах.

— Не на всех, — сказал Костя.

— А мне их различать незачем.

Он присел к корзине, проверил, не разошлось ли дно. Нина собралась идти, но Капитолина вытащила из-под полотна яблоко и сунула ей в руку. Яблоко было мелкое, зеленоватое, с красным бочком. Нина поблагодарила. Костя, не поднимаясь, протянул руку:

— Мне тоже.

Тётка ударила его по ладони.

— Тебе домой припасено.

— Вот видите, — сказал он Нине. — Выгоднее быть знакомой.

— Я вам половину оставляю.

Он ещё не успел ответить, а Нина уже шла по улице, чувствуя, как тётка смотрит ей в спину. Из-за яблока обе руки оказались заняты; она переложила свёрток и улыбнулась себе. После разговора о деньгах хотелось говорить глупости, чтобы от них не зависело ничего важного.

У соседнего дома мальчишка сидел на земле, держась за разбитый нос. Двое приятелей толпились рядом, один совал ему в лицо собственную кепку.

— Не надо кепкой, — сказала Нина.

Мальчик отнял руки. Крови было больше, чем беды: она стекала по подбородку на ворот рубашки. Нина положила яблоко на свёрток, придержала всё локтем, достала из кармана чистый платок.

— На. Приложи. Не три.

— А мамка?

— Что мамка?

— Запачкаю.

— Скажешь, я велела.

Платок пришлось отдать целиком. Нина посидела рядом на корточках, пока мальчик перестал хныкать. Объяснила, чтобы домой шёл с товарищем, а не лез опять под руку: ока-

залось, они качались на доске, положенной на полено, и товарищ соскочил со своего конца. Товарищи сразу заговорили, каждый показывал, как тот соскочил и кто держал доску. Пострадавший слушал их с обидой. Пора было уходить, иначе игра возобновилась бы под Нининым присмотром.

Она подняла яблоко. На бочке осталась пыль, и есть его уже не хотелось. Нина потёрла кожуру о юбку и надкусила. Кислое, терпкое, почти без сока. У бабушки на рынке бывало лучше. Она всё же доела, пока дошла до дома.

Михаил чинил у крыльца Павликов ящик. Младший надзирал за работой, указывая пальцем, куда приделать перегородку. В ящике он держал свои важные вещи: проволоку, гвозди, круглый камень с белой полосой. Теперь задумал отдельное место для карандашей. Яков делал ему такой ящик два года назад; крышка разбухла, не закрывалась, зато внутри сохранился едва заметный карандашный корабль.

— Зелёную краску найди, — попросил Павлик сестру. — У тебя есть.

— У меня нитки есть. Можешь обмотать.

Миша засмеялся. Павлик, привыкший к подобным ответам, отошёл искать сам. Нина села рядом с братом на ступеньку. Солнце нагрело доску, от неё пахло смолой.

— Миш, ты узнаешь?

— Что?

— Про медицинскую школу. В Рыбинске. Когда поступать, какие бумаги.

Брат перестал строгать. На земле лежала полоска свежей стружки, такая ровная, что хотелось завить вокруг пальца.

— Ты серьёзно?

Нина почувствовала ту же злость, что у учительницы. Почему каждый раз надо было сначала доказывать, что её слова имеют вес?

— Нет, я так. Две зимы себе на потеху собираюсь.

— Узнаю. Я же не отказываюсь.

— Так не смотри.

— Как?

Она забрала у него стружку, сломала и тут же пожалела: хорошая была.

— Будто у меня кукла заболела.

Миша положил рубанок на бок. Посмотрел на сестру внимательнее, и ей захотелось ответить глаза, но она осталась сидеть прямо.

— Ты маме сказала?

— А ты, прежде чем на стройку идти, сказал?

— Это разное.

— Конечно.

Он потёр подбородок ладонью, оставив на нём древесную пыль.

— Я сегодня уезжаю. Там на неделе схожу. Напишу, что узнаю.

— Только ты сам. Не попроси кого-нибудь.

— Сам.

Павлик вернулся с банкой. Тряс её, прислушиваясь к плеску.

— Эта? Я в сарае нашёл.

Михаил поддел крышку отвёрткой. Из банки пахнуло резко, но краска внутри оказалась целой. Павлик обрадовался, будто уже получил готовый зелёный ящик. Брат велел принести палку для размешивания. Нина сидела, держа обломанную стружку в кулаке.

— А там жить где? — спросил Михаил, когда младший ушёл.

— Найду.

— Я у хозяйки на койке. К себе не возьму.

— Я не просилась к тебе.

Он посмотрел на неё, улыбнулся.

— Знаю, что не просилась. Я предупреждаю, чтобы потом не ругалась.

Нина тоже улыбнулась. Предупреждение было неприятное и полезное: дальше предстояло думать самой. Но теперь у её желания появился человек, который встанет перед дверью медицинской школы и спросит для сестры, как поступать. Она разжала кулак, стряхнула щепочки на землю.

* * *

О том, что Нина отдала платок мальчишке, мать узнала к вечеру. Мальчишка оказался сыном знакомой женщины, жившей через два двора. Женщина принесла платок выстиранным, ещё влажным, и при Варваре сказала:

— Тебе бы лечить. Мой-то на чужих орёт, а к тебе присмирел.

Нина почувствовала себя пойманной. Мать приняла платок, прицепила к верёвке возле печи и стала расспрашивать, сильно ли разбился ребёнок. Женщина охотно рассказала всё, что Нина уже знала, и многое, чего при ней не было. К уходу выяснилось, что мальчик непременно сломал бы себе голову, если бы не Нина.

Когда дверь закрылась, Варвара сняла платок и проверила швы.

— Ты ему этим нос вытирала? Жалко, тонкий.

— Его можно выстирать.

— Я вижу. Так говорю.

Миша уехал после обеда. Перед уходом обнял сестру, тихо сказал: «Узнаю». Нина с тех пор ждала удобной минуты, чтобы поговорить с матерью, и теперь минута была совсем неудобная: ещё бы чуть-чуть, и её желание показалось бы продолжением соседской похвалы.

— Я всё равно поступать буду, — сказала она.

Варвара медленно повесила платок обратно.

— Куда?

— В медицинскую. Миша узнает.

— Миша узнает.

Мать повторила без вопроса. Это было хуже вопроса. Нина ждала, пока та возьмёт себя в руки и начнёт о деньгах.

— Ты за моей спиной уже договорилась.

— Я с ним на крыльце говорила. Не за спиной.

— Не передёргивай.

Варвара сняла с плиты чайник, налила воды в таз. Нина шагнула к ней, мать протянула ей кружку, будто дочь подошла помочь. Пришлось взять.

— Я раньше собиралась. До Мишиного отъезда.

— Никто тебе не мешал.

— Ты болела.

— Так я тебе помешала?

Нина поняла, что опять выбрала неправильное начало. Сейчас мать будет говорить про свою болезнь, а ей придётся уверять, что она не обвиняет. Они обе знают, что разговор совсем о другом, и всё равно пойдут туда, откуда легче рассердиться.

Она поставила кружку на край стола.

— Я хочу учиться. Сейчас мне девятнадцать. К следующей осени двадцать будет. У меня семилетка есть, я не дурная.

— Кто тебе сказал, что дурная?

— Никто. Я сама тебе сказала, что не дурная.

Варвара улыбнулась уголком рта, но сразу спрятала улыбку.

— Заказы у тебя идут. Люди знают. Чего ещё?

Нина смотрела на платок, который покачивался от тёплого воздуха. На одном краю осталась маленькая коричневатая точка.

— Я не хочу всё время чужие руки двигать, чтобы на них рукав сел.

— А там свои двигать будешь?

— Там я буду знать, зачем.

Мать села. Нина осталась стоять, хотя теперь ей тоже хотелось сесть: колени дрожали сильнее, чем требовал разговор.

— Тебя же содержать надо, — сказала Варвара. — На Мишу и то сколько ушло. А теперь дом. На старом месте не оставят, сама слышала. Отец разбирать собрался. Чем платить будем?

Это было настоящее возражение, от которого нельзя отшутиться. Нина приготовила несколько ответов заранее, но в комнате все они показались хвастливыми: заработаю, сниму, проживу. Она ещё не знала, на что ей хватит собственных денег.

— Я до осени поработаю, — сказала она. — Возьму больше. Миша узнает, есть ли общежитие. Может, на питание дают.

— «Может» у нас в сундуке не лежит.

— А если есть?

Варвара посмотрела на дочь. Нина выдержала взгляд, чувствуя, как язык сам просится сказать какую-нибудь колкость. Если бы мать отказала прямо, было бы легче плакать и сердиться. Но Варвара сейчас считала то же, что и она: годы, деньги, место для постели.

— Узнает — тогда поговорим.

Нина не сразу поверила.

— Ты не скажешь потом, что поздно?

— Я сказала, поговорим. А не что завтра тебя отправлю.

Мать поднялась, велела принести из сеней мокрое полотенце. Нина пошла. Под зеркалом оставался её свёрток, в кармане кофты — плата за платье. Она достала деньги, отсчитала обычную долю на дом и оставила себе больше, чем всегда. Потом пересчитала заново. Убрать лишнее или вернуть не решилась.

В кухне мать уже расставляла чашки. Нина положила деньги возле хлебницы.

— Здесь пока столько.

Варвара посмотрела на них, потом на дочь.

— Убрала себе?

— Да.

Мать пододвинула деньги под блюдце, чтобы не разлетелись. Нина принесла полотенце. В груди всё ещё было тесно, но руки перестали дрожать.

За ужином Павлик объявил, что у него будет зелёный ящик с отделениями и теперь он никому ничего не даст. Яков посоветовал сперва дождаться, пока высохнет краска. Мать положила Нине кусок хлеба из самой середины, мягкий, с тонкой коркой. Нина хотела сказать, что такой любит Павлик, но прикусила язык и взяла себе.

Глава 3. Держать прямо

К концу октября Михаил научился узнавать по звуку, когда сапог выйдет из глины, а когда останется в ней. Сначала почва отпускала с коротким влажным вздохом; если слышалось тягучее хлюпанье, следовало остановиться, раскатать ногу и не дёргать. Дважды он всё-таки дёрнул. Второй раз носок пришлось отмывать в луже и надевать мокрым.

В тот день он держал рейку на краю размокшей выемки. Ветер шёл в спину, тянул за воротник. Далеко впереди, возле прибора на трёх ногах, стоял Лев Фёдорович и сердился так спокойно, что Михаилу хотелось сердиться в ответ.

— Прямее! Миша, ты спишь?

Он выровнял рейку, прижав к ней обе ладони. Казалось, теперь она стоит прямо; Лев Фёдорович всё равно махнул рукой. Михаил повернул голову, пытаясь понять, куда его посылают.

— Не головой крути! Держи!

Дерево под пальцами было скользкое, деления затекали грязной водой. Миша вытер нижнюю часть рукавом и понял, что сделал зря: глина только размазалась шире. От ветра слезились глаза. Он ждал окрика, но Лев Фёдорович уже сделал отсчёт и кивнул помощнику рядом с собой.

Снег несколько раз принимался идти и каждый раз сдавался дождю. На площадке пахло мокрой землёй, дымом и лошадьми. Всё было ещё далеко от той стройки, которую Михаил увидел на рисунке: светлый машинный зал, высокие стены, ровная вода. Здесь люди ходили по доскам, колёса увязали, кто-нибудь непременно кричал, что взяли не то и привезли не туда. Даже те, кто не ругался, говорили громко, будто сама земля была туговата на ухо.

Когда ему предложили перейти в измерительную группу, он представлял, что прежде всего будет работать головой. Теперь выходило, что и голову, и руки нужно держать часами в одном положении. Учёба не избавляла от этой работы. Лев Фёдорович разбирался в приборах и в людях, но доверял каждому по-разному: прибору — после проверки, человеку — после нескольких недель неприятных поручений.

— К нам! — крикнул он наконец.

Михаил пошёл обратно, выбирая, куда поставить ногу. Пока стоял, возле каблука натекла вода, и сапог оказался в собственной маленькой яме. Он вытащил его со знакомым звуком, удержал равновесие рейкой и опять заслужил окрик:

— Это не жердь! Береги вещь!

Стыд обжёг сильнее злости. Миша поднял рейку, донёс, поставил там, где показали. Рядом с Львом Фёдоровичем стоял невысокий человек с обветренным лицом, Селиванов. Он записывал отсчёты в тетрадь, пряча её от дождя под полкой. Прибор к этому времени уже убирали.

— На сегодня хватит, — сказал Лев Фёдорович. — Завтра к этому месту вернёмся.

— Я могу ещё, — отозвался Михаил.

— Ты можешь. Я сквозь воду смотреть не могу.

Селиванов улыбнулся, не поднимая головы. Михаил взял рейку и пошёл к дощатому сараю, где держали вещи. Ему хотелось, чтобы Лев Фёдорович хоть раз сказал: хватит, ты хорошо поработал. Тогда можно было бы устать по-настоящему, без этого постоянного желания доказать, что способен ещё.

В сарае было почти темно. На гвоздях висели мотки шнура; возле стены стояли лопаты, пустая бочка, ящик с треснувшей крышкой. Михаил поставил рейку, нашёл ветошь и стал счищать глину. Лев Фёдорович вошёл следом, поставил футляр на стол и подвинул его дальше от щели в крыше.

— Сильно замёрз?

— Нет.

— Врёшь. Дай рукавицу.

Михаил не понял.

— Снимай, дай говорю.

Лев Фёдорович взял мокрую рукавицу двумя пальцами, выжал. На пол полилась вода.

— Вторую так же. И завтра возьми запасные.

— У меня других нет.

Начальник измерительной группы посмотрел на него без всякого выражения. Не удивился, не пожалел.

— Высуши эти. Возле печки не жги.

Михаил выжал вторую, сунул обе за пазуху. Чувство унижения от помощи было сильнее, чем от окриков. Лев Фёдорович тем временем достал тетрадь у Селиванова, который только что вошёл, сравнил две записи и поморщился.

— Здесь что?

Селиванов наклонился.

— Двойка.

— Похожа на семёрку.

— Двойка, Лев Фёдорович.

Михаил невольно посмотрел в тетрадь. Чернила поплыли по сырой бумаге. Селиванов назвал число, Лев Фёдорович повторил, сверил строку выше. Разговор был совсем тихий. Никто не считал его слишком простым, никто не стеснялся переспросить второй раз.

— На завтра поставь карандашом, — сказал Лев Фёдорович. — Эту точку ещё проверим. Селиванов кивнул и заметил Михаила.

— Ты чего стоишь? Марш ужинать, пока горячее.

Он умел смеяться одним глазом: другой, прикрытый неровным веком, почти не двигался. Миша сначала думал, что Селиванов всё время подмигивает, потом привык.

— Мне до Рыбинска ещё, — сказал он.

— Тем более.

Михаил жил у хозяйки в городе и до работы добирался с другими. На площадке времён и дорог было много: сегодня отправят туда, завтра сюда, у одного есть попутная подвода, другой пойдёт к воде, третий заночует поблизости. Он пока запоминал, к кому можно пристать с вопросом и кто потом полдня будет объявлять, что выручил мальчишку. Самому себе он обещал вскоре перестать быть мальчишкой; срок каждый раз отодвигался.

Голод почувствовался, когда они дошли до еды. Ветер сделался поперечным, загонял дождь под козырёк. Селиванов пропустил Михаила вперёд. Внутри было жарко от людей и печи. Михаил снял шапку, нашёл место за столом и долго не мог расстегнуть пуговицу у ворота: пальцы плохо слушались.

Девушка в светлом фартуке поставила перед ним миску.

— Суп не выплесни. Края горячие.

Он взял слишком быстро и обжёгся, но удержал. Селиванов сел напротив, пододвинул хлеб. Михаил попробовал суп, не почувствовал вкуса, только тепло. В миске плавал кусочек мяса. Он сразу утопил его ложкой на дно, чтобы оставить напоследок.

Девушка вернулась с кружками. Одну поставила криво, та закачалась на щепке, торчавшей из стола. Михаил успел придержать. По столу разлился чай.

— Цел? — спросила она.

— Цел.

— Ну и сиди, чего вскочил.

Он ещё не успел встать, только отодвинулся. Селиванов прыснул в рукав. Девушка посмотрела на него, потом на Михаила и подала тряпку.

— Здесь вытри. Остальное я.

Она была почти его ровесница, круглолицая, с плотными тёмными бровями. Волосы убраны под косынку, у виска выбилась мокрая прядь. Двигалась без торопливости, но между столами проходила быстро, нигде не застревая. Мужчины с ней разговаривали охотно. Одному она ответила, другому не ответила вовсе, и оба приняли это как должное.

— Лидия, ещё горячего, — попросил Селиванов, когда она прошла мимо.

— Тогда кружку допейте.

— Да я бы холодное вылил.

— Сначала допейте.

Он послушался, опрокинул в себя остаток и протянул кружку. Михаил почувствовал, как по спине ползёт горячая влага: рукавицы оттаяли за пазухой, теперь рубашка намокала от них. Вынул, спрятал под стол.

Девушка заметила.

— На печке положи. Только сам заberi. Мне чужое помнить некогда.

— Не сгорят?

— На кирпиче не сгорят. К железу не суй.

Михаил положил рукавицы, сел обратно. Селиванов уже доедал и явно следил за ним с удовольствием. Когда девушка отошла, он негромко сказал:

— Не женатая. Можешь смотреть.

Михаил подавился супом. Хотел ответить, что смотрит не поэтому, но получилось бы глупее, чем промолчать. Селиванов хлопнул его по спине так сильно, что Миша схватился за стол.

— Дыши. От первого раза редко помирают.

Девушка не обернулась. Михаил вытер рот и стал есть медленнее. Кусочек мяса обнаружился на дне ровно там, где он его оставил; это простое удовольствие немного вернуло достоинство.

Обратно они шли в сумерках. Дождь почти кончился. Низкое небо над водой светилось чуть дольше, чем дорога. Селиванов рассказывал о сыне, который прислал письмо с одной просьбой, написанной трижды: вышлите сапоги. Всё остальное — здоровье, учёба, приветы — умещалось между сапогами.

— Значит, нужны, — сказал Михаил.

— Нужны, кто спорит. Только он мне размер напиши, я ему вышлю. А он опять: вышлите сапоги. Будто я его ногу в глаза каждый день вижу.

У Михаила тоже была мать, способная выслать не тот размер, если долго не сообщать правильный. Он вспомнил Варвару и решил написать. На прошлой неделе сходил в медицинскую школу, узнал, когда лучше обратиться насчёт нового приёма. Записку Нине отправил, а матери ничего не добавил: не хотелось рассказывать дважды. Теперь представлялось, как сестра вскрывает конверт за столом, а мать сидит рядом и ждёт, что осталось ей.

Рукавицы он не забыл. Забыл тряпку, которую Лидия дала вытереть стол; она лежала в кармане, мокрая, тёплая, и Михаил обнаружил её только у хозяйки.

* * *

В ноябре землю наконец прихватило. Наутро у сапог образовалась твёрдая корка, и Миша, выбравшись на двор, с удовольствием наступил на первую замёрзшую лужу. Лёд треснул тонко, звонко, совсем по-домашнему. Когда-то так ходил в школу: выбирать целые пузыри

и пробовать, сколько выдержат. Ему было двадцать два, рядом шли люди старше, и он всё-таки наступил на вторую.

В тот день Лев Фёдорович позволил ему постоять у прибора. Сам стал за плечом, объяснил, куда смотреть, чего не трогать. Михаил сначала увидел только светлое пятно и тонкие нити. От волнения задержал дыхание. Начальник проворчал, чтобы не вцеплялся в трубу, дал поправить положение глаза. Деления рейки на дальнем плане вдруг собрались в чёткий рисунок.

Миша назвал увиденное. Лев Фёдорович велел отойти, посмотрел сам.

— Ещё.

Второй раз вышло лучше. Третий Михаил поторопился и сказал неверно; начальник заставил повторить. Селиванов стоял рядом, не вмешивался. После короткого упражнения Миша снова пошёл с рейкой, но нёс её уже с другим чувством. Теперь он знал, что на другом конце взгляда нет никакого чуда. Там тоже человек, который может ошибиться.

К вечеру настроение испортилось. Пришлось долго ждать, потом нести лишнее, потом вернуться за футляром, который Селиванов оставил в сарае. Михаил раздражался на себя за то, что радуется малости. Прибор дали на пять минут, а он мысленно уже написал об этом домой целое письмо.

Лидия увидела его возле еды и махнула рукой.

— Нашёл?

Он не понял.

— Чего?

— Тряпку мою. Ты с нею ушёл.

Михаил почувствовал себя нелепо: за три недели успел придумать, что она его запомнила как-нибудь иначе. Достал из кармана чистый свёрточек. Он выстирал тряпку, высушил, но дважды не попал к ней и один раз постеснялся выложить при других.

— Здесь.

Лидия развернула, посмотрела.

— Постирал?

— А что, надо было грязную вернуть?

— Мне всё равно потом кипятить. Спасибо.

В голосе не было насмешки. От этого стало легче. Михаил подождал, пока она отнесёт тряпку, и спросил:

— Ты сегодня до которого?

— Пока уберу.

— Потом провожу.

Лидия остановилась. Между ними проходили люди, пришлось придвинуться к стене.

— Мне близко.

— Так недолго провожать.

— В какую сторону тебе?

— Какая разница.

Она посмотрела внимательно, с каким-то хозяйственным недоверием, и Миша опять заговорил лишнее:

— Я не для того спрашиваю, чтобы по пути было.

— Я поняла.

Он остался ждать. Селиванов, проходя, поднял бровь, но ничего не сказал. Михаил заранее приготовил ответ и остался со своим ответом один. Люди уходили, печь потрескивала, за столом в углу двое спорили вполголоса. Лидия вытирала, относила посуду, возвращалась. Миша попробовал помочь, ему велели не мешать: там горячее, тут мокрое, сюда чужих рук не надо.

Она вышла в тёмном платке и коротком пальто. Без фартука оказалась стройнее, чем он представлял; коса лежала под воротником, на щеке краснело пятно от жара. У двери поправила шнурок на башмаке.

— Замёрзнешь, — сказал Михаил.

— Идти надо, тогда не замёрзну.

Они пошли. Он начал было рассказывать о сегодняшнем упражнении, но остановился: Лидия с самого утра была на ногах, и ей, вероятно, неинтересно, что он увидел в трубу. Она сама спросила, что он замолчал.

Михаил рассказал. Без названий и чисел получилось коротко, почти бедно. Лидия слушала, опустив голову; он не понимал, скучно ей или просто смотрит под ноги.

— Значит, теперь будут больше платить? — спросила она.

— Нет. Это я учусь.

— А.

Он обиделся и тут же почувствовал, что зря. Она не сказала ничего дурного.

— Не всё же ради денег.

— Мне за прогулки не платят, а я с тобой иду, — ответила Лидия.

Михаил запнулся. Она не улыбалась; смотрела прямо, даже немного сердито. Он не сразу понял, что разговор изменился, и только после паузы решился взять её под руку. Лидия позволила, потом поправила ладонь: локоть у него выпирал, мешал ей шагать.

Дорога кончилась быстро. У небольшого дома горело окно; за стёклами двигалась чья-то тень. Лидия остановилась у калитки.

— С тёткой живу. И ещё её двое. Не стучи, если что. У меня домочадцы любят спрашивать.

— Если что — это что?

— Если надумаешь приходить.

Она высвободила руку. Михаил стоял по другую сторону калитки и смотрел, как девушка находит задвижку. Пальцы у неё были красные, с потрескавшейся кожей возле ногтей.

— Завтра? — спросил он.

— Посмотрю.

— Это я приду. Ты можешь смотреть.

Лидия засмеялась. Впервые за вечер смех вышел свободный, девчоночий. Дверь дома приоткрылась, и она сразу притихла, махнула Михаилу рукой. Он отступил в тень забора, будто ему снова было шестнадцать.

Обратно шёл быстро. На улице зажигались редкие фонари; впереди лежала дорога к ночлегу, завтра опять предстояло вставать рано. Миша не пожалел, что пришлось сделать крюк. У самого дома вспомнил письмо матери, которое всё ещё не написал, и решил: сначала умоется, а потом сядет. Пока руки тёплые, почерк получается лучше.

Глава 4. Место для дома

В марте Варвара впервые увидела землю, на которой ей предстояло жить. На земле лежал снег. Три кола торчали наружу, четвёртый Яков долго искал, разрывая ногой серую корку.

— Тут? — спросила она.

— Тут.

— Что ж вы раньше не принесли? В голом виде бы посмотрели.

Муж выпрямился. На отвороте его сапога набился снег; он выколотил его о другой сапог и снова наклонился. Рядом стоял Михаил, державший под мышкой Павликов узел. Брат отдал ему узел со словами «только не потеряй» и сразу занялся более важным делом: палкой проверял, насколько глубоко проваливается снег возле будущего дома.

В Рыбинск Соколовы приехали накануне. Нина не поехала: сидела над заказами, отказывалась тратить лишнее и слишком усердно убеждала мать, что ей сейчас не до прогулок. Дома она осталась одна впервые на несколько дней. Варвара до самой дороги вспоминала, всё ли сказала: когда выгребать золу, где стоит мука, кому не отдавать без расчёта готовую рубаху. Яков посоветовал вернуться и сказать ещё раз. Она обиделась, хотя сама понимала, что теперь Нина смеётся над ней вместе с соседкой.

Четвёртый кол оказался сломанным. Яков вытащил обломок, поставил на место и прижал ногой. Лицо у него было сосредоточенное и довольное, как при начале хорошей работы. Его не смущали ни чужой берег, ни редкие дома вокруг, ни полоска серого неба, которая сразу за ними обрывалась к Волге.

Варвара огляделась. Это был Слип. Отсюда Рыбинск находился по другую сторону реки; пока они добирались, Михаил дважды объяснил, что так удобнее для отцовской работы и что здесь будут многие свои. Варваре нравилось только последнее. Удобство, ради которого нужно всякий раз попадать на другой берег, казалось сомнительным.

Неподалёку человек колол дрова. Топор стучал густо, иногда отскакивал с сухим звоном. Возле поленицы стояла маленькая девочка в мужской шапке; от каждого удара она вздрагивала, но не уходила. В окне ближайшего дома белела занавеска. Варвара посмотрела на неё и почувствовала зависть: чья-то женщина уже повесила чистое, уже знала, откуда дует и где по утрам появляется солнце.

— Передом сюда, — сказал Яков. — Сени с той стороны. Ветер будет сбоку.

— Ты откуда знаешь, какой будет?

— Сегодня такой.

— Сегодня я тоже вижу.

Михаил улыбнулся. Муж посмотрел на сына, будто попросил не поддерживать мать хотя бы в этом. Варвара плотнее запахнула пальто. Поездка была задумана всерьёз: посмотреть землю, расспросить человека, уже переехавшего из Мологи, решить, можно ли приниматься за приготовления. Она хотела увидеть решение, а перед ней были три целых кола и один сломанный.

Павлик встал на дальнем краю.

— Тут моя кровать?

— Тут курица будет гулять, — ответил Яков. — Ты дальше дома ушёл.

Мальчик возвратился на несколько шагов.

— А тут?

— Тут, может, кровать.

Павлик поставил свою палку вертикально. Снег под ней продавился, упёрся во что-то твёрдое. Варвара уже хотела сказать, чтобы не тыкал в землю лишнего, но Яков позвал их к себе.

— Отсюда вход. Кухню там. Передняя сюда смотрит. Видишь?

Она видела. Длинная полоса снега сделалась передней комнатой; справа возникла глухая стена спальни, у левого плеча — печь. На несколько мгновений стало возможно поверить, что здесь всё устроится. Только огород уходил не туда, калитку следовало поставить с непривычной стороны, а соседние окна смотрели почти прямо на то место, где Яков предлагал кухонное.

— Близо, — сказала Варвара.

— У нас тоже соседи.

— У нас я знаю, когда они в окно смотрят.

Михаил отвернулся, пряча улыбку. Варвара видела, что смешно сказала, и сама чуть улыбнулась; от этого снег не перестал быть чужим, но ноги заняли менее обидно.

— Дом целиком встанет? — спросила она.

Яков кивнул.

— С сараем?

— Сарай ещё посмотрим.

— Опять посмотрим. Корову на крышу поставишь?

— У нас нет коровы, мам, — напомнил Михаил.

— Так я вижу. Я про место.

Муж вытащил из кармана шнур, сложенный в несколько петель. Варвара помогла расправить. На шнуре были узлы; дома он мерил стены, а теперь хотел перенести мерку на снег. Михаил взял один конец, Яков другой. Павлик устроился посередине и принялся командовать, чтобы держали выше.

Варвара осталась у кола. Зимой весь участок казался ровным; весной, когда снег сойдёт, могла обнаружиться любая яма. Она вспомнила отцовский огород, где каждое сырое место знала на ощупь. Яков уже прошёл вдоль будущей стены. Миша отступил, натянул шнур. С той стороны доносился всё тот же стук топора. Варвара дождалась, пока мужчины перестали двигаться, и шагнула внутрь намеченного прямоугольника.

На месте кухни снег был особенно глубокий. Она провалилась почти до колена, выругалась и дёрнула ногой, но сапог зацепился за что-то твёрдое.

— Яша!

Муж обернулся. По голосу понял, что она не об участке спрашивает. Подошёл, взял за локоть и потянул к себе. Варвара попыталась вытащить ногу, но сапог держался так крепко, что пришлось опереться на Яково плечо. На глазах у сыновей это было нелепо: Варваре шёл сорок второй год, а она стояла в снегу на одной ноге и сердито требовала не тянуть её слишком высоко.

Михаил уже шёл с палкой. Яков велел не трогать, просунул руку под снег, ощупал ледяной край.

— Канава. Занесло.

— А ты кухня, — сказала Варвара.

— Так и будет кухня. Засыпать надо.

Яков шагнул ближе, обхватил её под мышками и приподнял. Сапог наконец вышел из канавы; Варвара встала на обе ноги, стряхнула с голенища мокрый снег. Павлик смотрел на мать со страхом, который пытался выдать за любопытство.

— Ты не провалилась? — спросил он.

— Стою же.

— Совсем чтобы.

— Не провалилась. И ты туда не суйся.

Яков проводил её к протоптанной дорожке. Варвара шла осторожно, чувствуя, как вода проникла под голенище. Он держал её за локоть дольше, чем требовала дорога, и отпустил только возле поленницы.

Человек с топором оказался Семёном Гавриловичем Елисеевым, Яковым знакомым. Варвара видела его прежде в Мологе, но там он ходил в пальто, а здесь был в расстёгнутой телогрейке, с мокрой шеей над воротником.

— Ну, посмотрели? — спросил он.

— С ног до головы, — ответила Варвара.

Елисеев засмеялся и крикнул в дом, чтобы открывали. Девочка в мужской шапке подхватила маленькое полено, поволокла к крыльцу. Михаил поднял его за другой конец. Она посмотрела на незнакомого мужчину с негодованием, потом всё-таки позволила помочь.

В доме пахло печью, мокрой шерстью и кислой капустой. Варвара сразу заметила стену: в одном месте между брёвнами ещё светлела свежая пакля. Возле окна лежала свёрнутая тряпка, с наружной стороны стекло побелело от мороза.

Жена Елисеева, Дарья, заставила гостью снять сапог. Варвара сопротивлялась недолго. Носок оказался влажным, к пятке прилип снег. Дарья принесла сухую портянку, поставила рядом валенок.

— Мужнин. Другого нет. Я сапог тебе возле печки поставлю, только далеко, чтобы не повело.

— Да я так. Просохнет.

— Сиди, просыхай. У нас тут всем место.

Место нашлось на лавке между корзиной белья и стоявшей ребром доской. Варвара села, расправила юбку, не зная, как благодарить и сколько ей здесь оставаться. Дарья сунула девочке щепки в руки, велела отнести отцу и принялась наливать чай.

У Елисеевых было двое своих детей и жила Дарьяна мать. Младший спал за занавеской; о его существовании Варвара узнала, когда он кашлянул. Дом они привезли раньше Соколовых, поставили не так, как собирались, и теперь Семён обещал весной переделать сени. Варвара слушала и разглядывала шкаф. Ручки были мологские, знакомая работа, на одной из них висело полотенце. Такой шкаф мог бы стоять у неё, и стало легче спрашивать.

— А вода далеко?

Дарья подняла глаза.

— Не под рукой. Пока нанесёшь, устанешь.

— Колодец?

— Дойдёт очередь и до нас. Мужчины обещают.

Елисеев, расслышав, заглянул в дверь.

— Ты уж с порога не пугай людей.

— Я из кухни пугаю, — отозвалась Дарья. — С порога у нас ты встречал.

Варвара засмеялась. Муж тоже улыбнулся; Михаил потянулся за чайником. Павлик в это время исследовал взглядом дом. В углу стояла деревянная лошадь без одной ноги, возле печи висели детские штаны. Девочка сняла шапку, показала короткую туго заплетённую косичку и села напротив. Павлик отодвинул узел подальше от неё.

— Первую зиму сильно тянуло, — сказала Дарья уже тише. — Сошлось не всё. Потом забивали. Вон отец и теперь тычет, где дует.

— Нормально соберёшь — не будет, — ответил Яков.

Дарья посмотрела на него без улыбки.

— У нас тоже нормально собирали. Ты потом с детьми поживи, когда ветер всю ночь.

Варвара ожидала, что муж начнёт объяснять, как следует конопатить, но он промолчал. Отпил чаю и наконец спросил, кто у них печь ставил. Елисеев назвал человека; Яков знал имя, и разговор стал длиннее. Варвара слушала только вполуха. Важнее было, как Дарья перекладывает мокрое полотенце под окном, как вздрагивает при кашле за занавеской, как смотрит на мужа, когда тот обещает всё исправить к следующему холоду.

Девочка подвинулась к Павлику.

— А у вас тоже дом будет?

— Наш, — ответил он.

— Этот тоже наш.

— Я знаю.

Они смотрели друг на друга, не находя продолжения. Потом Павлик вынул из своего узла краюшку хлеба, которую мать положила в дорогу. Отломил, протянул девочке. Та взяла и сразу спрятала за спину. Варвара сделала вид, что не видит.

Ей вдруг захотелось спросить Дарью о самых обычных вещах: где берёт соль, кто торгует молоком, хорошо ли пропекается хлеб в новой печи. Если ответы существуют, значит, здесь уже живут. Не ждут, пока начнётся жизнь, а вешают мокрое, выслушивают детский кашель, сердятся на мужей. Варвара взяла чашку, согрела ладони.

— А капусту вы сами солили?

— Сами.

— Хорошая. Хрустит.

Дарья обрадовалась похвале так заметно, что Варвара смутилась: будто пришла проверять чужой дом, а хозяйке нужно было сдать экзамен.

— Огурцов сейчас дам, — сказала Дарья.

— Куда же ещё.

— Да вы попробуйте.

Она ушла к сениям. Варвара сняла чужой валенок, проверила пятку: уже согрелась. Яков придвинул к ней её сапог, осторожно, не прерывая разговора. Варвара коснулась его руки. Муж посмотрел, кивнул и снова повернулся к Елисееву.

* * *

Домой возвратились с сырой землёй на сапогах, с именем печника и с маленькой банкой огурцов. Нина встретила их у порога. В доме было прибрано так усердно, что Варвара сразу поняла: до последнего дня беспорядок стоял страшный.

На столе лежал готовый подол, на стуле — её старый передник. Нина подала матери полотенце и сразу начала рассказывать про заказы, никого не дожидаясь. Яков прошёл к печи, Павлик побежал в переднюю проверять свой ящик. Варвара остановила дочь за плечо.

— Ты как?

— Хорошо.

— Ела?

— Нет, сидела и ждала вас с воскресенья.

— Вот язык.

Она отпустила Нину, сняла пальто. В кухне стоял знакомый запах, тёплый, плотный. За несколько дней чужого воздуха Варвара успела соскучиться даже по тёмному месту над печной дверцей, которое давно хотела побелить. В новой печи это место будет чистое, и никто не станет помнить, как Нина в детстве решила сама растопить и напустила в дом дыма.

— Ну что? — спросила дочь.

— Землю видели.

— И как?

Варвара поднесла к окну банку огурцов. На дне лежал укропный стебель, возле стекла застрял чесночный зубок.

— В снегу.

Нина засмеялась. Яков за её спиной посмотрел на жену, и Варвара поняла, что муж ждёт настоящего ответа. Не при детях: ещё немного подождёт, до вечера, пока станет возможно спокойно сесть рядом.

— Встанет наш дом, — сказала она.

Нина перестала смеяться. Дотронулась до банки.

— Целиком?

— Целиком.

Вечером Яков достал шнур, которым мерил участок. Положил на стол, растянул между двумя гвоздиками в доске; узлы лежали неровно, один немного сместился. Варвара держала край, пока он поправлял.

— Сени там лучше по-другому, — сказал муж. — Крыльцо от ветра закроем.

— Как лучше, так и делай.

Он поднял на неё глаза. Удивился лёгкости согласия, и ей стало неловко: вчера она спорила с ним из-за каждого шага, сегодня готова была уступить во всём, лишь бы он не спросил, страшно ли ей.

— Разбирать не сейчас, — добавила Варвара. — На следующую весну. В эту Нину будем устраивать. И денег соберём. Мне голым летом где жить, ты подумай.

Яков провёл пальцем по узлу.

— Подумал.

— Так скажи, что подумал. А то думаешь один, а мне потом угадывать.

Он усмехнулся.

— На следующую весну и собирался. Нижние брёвна ещё проверить надо.

Варвара привстала, заглянула в переднюю. Там Павлик показывал Нине, сколько хлеба отнёс в дорогу и какой маленький кусочек остался ему самому. Судя по смеху, девочку он уже перестал считать неприятной. В комнате было тесно от вещей: мешок у кровати, дорожный узел, мокрое пальто. Всё можно было убрать за десять минут. Варвара ещё немного постояла в двери, потом вернулась к столу.

— Яша, — сказала она, — а окно наше туда же повесь.

Муж перестал трогать шнур.

— Как туда же?

— С которого на калитку смотрим. Мне чтобы видно, кто идёт.

— Там калитка другая.

— Я знаю.

Яков поднял шнур, свернул в аккуратные петли и убрал. Варвара ждала, что он начнёт опять про ветер, про стороны и про то, как разумнее. Вместо этого муж подвинул к себе её руку, прижал пальцами ладонь. Кожа у него была сухая, с маленькой занозой под ногтем.

— Посмотрим, Варя, — сказал он.

Она не отняла руки. В этот раз слово не рассердило.

Глава 5. Зелёный ящик

Весной Витька Астахов перестал ходить в школу за три дня до конца недели. Клавдия Семёновна велела передать ему, чтобы всё-таки пришёл, сдал учебник и попрощался. Павлик взял поручение на себя, хотя к Астаховым шёл и без учительницы.

У их дома стояла подвода. На ней лежали лавка, две связки досок, свёрнутые половики. На верхнем половике сидела женщина в тёмной кофте, но это оказалась не Витькина мать, а чужая, присматривавшая за вещами. Она спросила Павлика, кого ему надо, и, не дослушав, показала во двор.

Витька был за сараем. Из дома уже вынесли почти всё; через открытые двери Павлик увидел голую стену и светлый прямоугольник, где прежде висели часы. Витькин отец снял со стены крючок, сунул в карман и тут же полез обратно, что-то забыл. Лицо у него было сердитое. Павлик прошёл тише.

— Тебя в школу звали.

Витька сидел на корточках над ящиком. На дне лежали верёвка, кривые ножницы, колесо от сломанной тележки. Он перебирал вещи и откладывал не те, которые Павлик считал лучшими.

— Скажи, некогда.

— Она учебник просила.

— Отдам.

— Когда?

— Давай ты отнесёшь.

Павлик согласился. Ему нравилось поручение учительницы и не нравилось, что Витька так легко передал его обратно. Товарищ был старше на год, умел свистеть пальцами и однажды полез на чужую крышу за голубем. Павлик не видел, как он забрался, только как слезал; этого хватило, чтобы поверить во всё остальное.

— Вы когда? — спросил он.

— После обеда.

Павлик знал, но хотел услышать другое. Если бы Витька сказал «вечером» или «ещё не знаем», осталось бы время сходить на их место у воды. Они оставили там банку с белыми камнями, прикрыли её доской. Зимой Павлик проверял: банка была на месте. Весной вода поднялась, и теперь приходилось ждать, пока можно будет подойти сухим.

— А мы завтра собирались, — сказал он.

— Сам сходишь.

— Там же твои.

— И твои.

Витька вытащил ножницы, попробовал сомкнуть лезвия. Одно уходило мимо другого, не отрезая. Он отложил их в сторону и взял колесо.

— Это тебе.

Павлик не взял.

— Оно без оси.

— Приделаешь.

— Зачем мне одно?

Витька поднял на него глаза.

— Не надо — не бери.

Павлик взял. Колесо оказалось тяжёлым, грязь в середине засохла бугром. Витька вернулся к ящику. Каждой вещи он теперь назначал будущее: везти, отдать, бросить. Делал это быстро и уверенно, как будто давно вырос из того, во что ещё вчера они играли вместе.

Дом Астаховы не везли. Витькин отец говорил, что выгоднее отдать его на разбор и уехать к родне в Углич. Мать говорила то же самое, только после её слов всегда начиналась ссора. Павлик не понимал, из-за чего: ведь оба согласны. Яков объяснил ему, что люди иногда согласны с решением, а жить с ним всё равно не хотят. Павлик тогда не спросил больше, но запомнил, что взрослые тоже могут делать то, чего не хотят, хотя никто не ставит их в угол.

— У вас там река какая? — спросил он.

— Волга.

— А ещё?

— Откуда мне знать.

Витька бросил верёвку на доску. Павлик потянул за конец, проверил узел. Завязан крепко, как они завязывали сами, чтобы не развязалось в воде. На верёвке осталась чёрная полоса от их прежнего костра.

— Эту возьми.

— Куда?

— С собой.

— Паш, у нас без неё что везти найдётся.

Из дома донёсся голос отца. Витька вскинул голову, ответил, что сейчас. Начал быстро сгребать всё, уже не разбирая. Павлик придержал край ящика, но товарищ оттолкнул его руку.

— Сам.

Они помолчали. Во дворе женщина поправляла половики на подводе. Курица, неизвестно чья, рылась под колесом и сердито отскакивала, когда доска скрипела над головой. Всё происходило при полном свете, без всякой тайны; от этого Павлику было особенно трудно понять, почему он ничего не может остановить.

— Учебник, — напомнил он.

Витька вскочил, убежал в дом. Вернулся с книгой и положил Павлику на ладонь, поверх грязного колеса. Обложка надорвалась у корешка. Павлик прижал книгу к груди, чтобы не уронить.

— Скажи, привет, — буркнул Витька.

— Кому?

— Всем.

Он забрал ящик, понёс в дом. Павлик вышел со двора, обернулся у калитки. Товарищ уже стоял к нему спиной и помогал отцу поднять узкую железную кровать.

* * *

Зелёный ящик пах краской даже через полгода. Михаил уверял, что давно не пахнет, мать говорила, что Павлик сам придумал. Он знал лучше: если засунуть нос в угол и закрыть глаза, запах был. Особенно в отделении, которое брат приделал для карандашей.

Павлик положил туда Витькин учебник, но крышка не закрылась. Вынул карандаши, попробовал по-другому. Не вышло. Тогда достал белый камень с полосой, гвозди, маленькую жестянку и сложил на кровати. Учебник всё равно не помещался: был длиннее ящика. Павлик рассердился, стукнул крышкой. Из кухни сразу крикнули, чтобы не ломал.

Он сел на пол. Колесо от тележки лежало у двери, мать не позволила нести его дальше. В учебнике следовало подклеить корешок, иначе Клавдия Семёновна подумает, что Павлик сам порвал по дороге. Он открыл книгу, отыскал Витькину фамилию на внутренней стороне обложки. Ниже чужим почерком были написаны ещё две. Учебник раньше принадлежал другим мальчикам, а те, наверное, оставили его так же просто, получили новый и забыли.

Павлик принёс из кухни немного клейстера, нашёл полосу бумаги. Работал сосредоточенно: отмерил, промазал, прижал. Бумага вылезла за край. Он хотел подрезать, но ножницами пришлось бы резать мокрое, и он оставил до утра.

Мать заглянула в комнату.

— Что у тебя здесь?

— Учебник чиню.

— А вещи на кровати зачем?

— Нельзя, что ли?

Варвара вошла, подняла гвоздь, остриём торчавший в подушку.

— Это особенно полезно. Потом лежи затылком.

Она собрала гвозди в жестянку. Павлик смотрел, как чужая рука трогает его важное. Мать не спрашивала, что для чего; сразу знала, какое убрать, какое выбросить. Он подвинул камень под колено.

— Не надо. Я сам.

— Так убери. Ты не один в комнате.

Она ушла, унося клейстер. Павлик расставил всё по местам. Камень тоже вернул в ящик, в дальний угол. Крышка закрылась легко, как всегда, только учебник оставался снаружи. Он положил его на стол сушиться.

Вечером вернулся отец. Стал мыть руки и спросил у матери, увезли ли Астаховы железную кровать. Та не знала. Павлик из передней крикнул, что увезли.

— Значит, решились, — сказал Яков.

— На что? — спросил Павлик.

Отец показался в двери, вытирая полотенцем пальцы.

— Взять. Астахов думал, не стоит, старая больно.

— Хорошая была.

— Хорошая. Тебе почём знать?

Павлик пожал плечами. Он сидел на этой кровати, прятал под неё сапоги, однажды уронил под подушку медную монету и так и не нашёл. Кровать могла оказаться негодной для взрослых, но для всего, что касалось его, была вполне годной.

Яков заметил учебник. Взял, посмотрел на влажный корешок.

— Твоя работа?

— Подклеил.

— Ладно. Подрежешь завтра — хорошо будет.

Мальчик выпрямился. Похвала оказалась такой короткой, что он не успел ею насладиться. Отец положил книгу обратно.

— А это колесо зачем?

— Витька дал.

Яков попробовал покрутить пальцем, посмотрел на грязное отверстие.

— Ось нужна.

— Я знаю.

— А второе колесо где?

— Не знаю.

Отец поставил первое у стены. Не объявил ненужным, не сказал выбросить. Павлик проводил его взглядом и дождался, пока мать перестала спрашивать про ужин.

— Пап.

— Что?

— А наш дом весь заберём?

— Собираемся.

— До последней доски?

Яков посмотрел на него внимательнее. С кухни тянуло паром, пахло варёной свёклой. Нина пела вполголоса, запинаясь на одних словах и всякий раз начинала сначала. Павлик знал эту песню целиком, но не подсказывал: сестра сердилась.

— Всё, что годится, — сказал отец.

— А что не годится?

— Новое сделаем.

— Это уже не наше будет.

Яков молча потёр костяшку пальца, из которой днём вытаскивал занозу. Павлику показалось, что сейчас он опять ответит слишком коротко. Но отец сел на край кровати и подвинул мальчика к себе.

— Вон подоконник видишь? Я его позапрошлым летом вставил. Старый сгнил. Перестало наше окно быть?

Павлик посмотрел. Подоконник был знакомый, с круглым следом от цветочного горшка. В нём помешались гвозди, нужные для зимней рамы; всё подходило.

— Нет.

— Ну вот.

— Но ты же один вставил.

Яков вздохнул и потрепал его по затылку.

— Один. А остальное старое оставил. Всё разом не меняют, Паш.

Мальчик не совсем понял, что отец хотел ему объяснить. Но почувствовал под ухом его тёплую ладонь и перестал спрашивать. Яков посидел ещё немного, потом мать позвала обоих ужинать. Колесо осталось у стены, большое, чужое. Павлик сел так, чтобы видеть его из кухни.

Наутро отнёс учебник. Клавдия Семёновна долго искала свободное место в шкафу и положила книгу ребром между другими. Спросила, хорошо ли Астаховы уехали. Павлик сказал, что хорошо, потому что не знал другого ответа. Учительница провела ладонью по обложке, не похвалила починку, и он обиделся.

После уроков пошёл к воде один. Дорога к банке ещё была мокрая. Он нашёл сухую палку, поддел ею доску, вытащил край на берег. Банка стояла внизу, почти полная мутной воды; белые камни стали серыми. Павлик подтянул её палкой, вынул, слил воду. Камней оказалось девять. Он не помнил, сколько из них положил сам, а сколько Витька. По полосам можно было бы попробовать разобрать, но теперь все казались одинаковыми.

Он положил девять камней обратно и понёс банку домой. По дороге дважды останавливался: железный край больно врезался в пальцы. Возле своего дома увидел Нину. Она сидела на крыльце, держала письмо и смеялась. Мать стояла в дверях, слушала.

— Общежитие, — повторяла Нина. — Миша пишет, раньше надо спрашивать. Я же говорила.

Павлик хотел спросить, где поставить банку. Сестра подняла голову, будто только что его заметила.

— Ты куда такой тяжёлый?

— Домой.

— Это вижу. Что там?

Он показал. Нина взяла банку за край, поднесла к себе. Камни перекатились с сухим стуком. Она поставила банку на ступеньку рядом с письмом, вытерла пальцы о юбку.

— Красивые. Их бы отмыть.

Павлик посмотрел на сестру с благодарностью, которую не сумел скрыть.

— Я сейчас.

— Давай вечером. Смотри, что мне Миша прислал.

Нина развернула лист. Павлик не хотел читать про её школу: ему хватало собственной. Но сестра притянула его к себе и ткнула пальцем в строчку: брат приписал внизу, чтобы Павлик не торопился стать выше Якова, а то в новом доме придётся делать для него отдельную дверь.

Мальчик засмеялся. Посмотрел на мать: та тоже улыбалась. Банка стояла возле его сапога, письмо шуршало в Нининых руках. Он взял бумагу, перечитал про дверь ещё раз и только потом пошёл за водой.

Глава 6. Чужая кровать

Кровать оказалась выше, чем Нина помнила. Пока смотрели комнату, она не села: стояла возле окна, делала вид, что её интересует только свет, и старалась не показать хозяйке, как боится услышать отказ. Теперь нужно было разобрать постель, а верх тюфяка почти доходил ей до пояса.

— Как бабушкин стол, — сказала Варвара.

Михаил поддел ногой деревянную подставку.

— Вот для чего. Не для сапог.

На подставке стоял большой медный таз. Хозяйка, Екатерина Ивановна, подхватила его обеими руками и вынесла в коридор. Когда вернулась, Варвара уже сняла с тюфяка тонкое покрывало и прощупывала набивку.

— Солома?

— Солома. Новая. Я старое не держу.

В голосе прозвучало предупреждение. Варвара отняла руку, поправила покрывало, будто только ради этого трогала. Нина отвернулась к окну: начиналась её отдельная жизнь, и мать собиралась проверить, чем она набита.

На учёбу Нину приняли в августе. За лето она накопила меньше, чем рассчитывала: весной денег прибавлялось быстро, к середине июля кончились лёгкие заказы, остались починка и переделка за малую плату. Пришлось взять из отложенного матерью на переезд. Варвара дала, но с тех пор чаще спрашивала, насколько Нина уверена, что справится. Чем чаще спрашивала, тем увереннее отвечала дочь.

Общежития получить не удалось. Михаил помог найти место у Екатерины Ивановны, в комнате на двоих. Вторая жилища ещё не приехала; её половина стояла пустой. Разделять предстояло стол, небольшой шкаф и умывальник за дверью. Зато никто не собирался просить Нину временно лечь возле кухни, потому что приехал важный родственник, и не требовал шить хозяйке бесплатно. Плата оговорена заранее. Мать переспросила дважды, входит ли сюда дровяное тепло. Хозяйка дважды ответила, что входит, если зима будет обычная.

— А необычная какая? — спросила Варвара.

— Вы сами знаете, как зима бывает.

Мать посмотрела на дочь. Нина торопливо развернула простыню, дала Михаилу другой конец. Он перехватил ткань так, будто собирался стряхнуть половик. Простыня взлетела, задела Нину по лицу, опустилась на кровать неровным пузырьком. Мать рассмеялась, хозяйка тоже, и разговор о зиме не продолжился.

Яков не приехал. Он передал маленький свёрток и велел не разворачивать до комнаты. Нина, конечно, развернула в дороге: внутри была деревянная коробочка со сдвижной крышкой, под нитки и иголки. На крышке отец вырезал две неглубокие линии, больше ни одного украшения. Зато ячейки внутри были ровные, пальцы нигде не цеплялись за край. Коробочка легла на стол как последняя работа, которую Яков успел для неё сделать, пока она ещё жила дома.

Варвара поставила рядом банку с топлёным маслом. Потом достала хлеб, полотенце, узелок с луком. Полка под окном быстро заполнялась, и хозяйка заметно забеспокоилась.

— В кухне хранить будете. На двоих место, не надо всё сюда.

— Сейчас разберём, — сказала Нина.

— Мышей здесь нет, но вы их не привлекайте.

Хозяйка ушла. Миша пошёл вымыть руки, мать осталась возле кровати, не находя, что ещё поправить. Нина стояла у стола, сжимая в ладони ключ. Он был холодный, тяжёлый, с

короткой бородкой. Собственный ключ от чужой комнаты казался вещью слишком серьёзной для кармана её платья.

— Не потеряй, — сказала Варвара.

— Не потеряю.

— В замке снаружи не оставляй. Мало ли кто по дому ходит.

— Мама, я не в первый раз дверь закрываю.

Варвара поправила край покрывала.

— Ты домой писать будешь?

Нина обернулась. Голос у матери переменялся так неожиданно, что готовая колкость застряла.

— Буду.

— Не только Мише говори. Он забывает передавать.

— Буду тебе сама.

Мать кивнула и села на высокую кровать. Ноги не доставали до пола. На несколько мгновений она стала похожа на девочку, которую оставили ждать у незнакомых людей. Нина положила ключ на стол и села рядом.

— До вашего переезда ведь недолго.

— До весны ещё жить надо.

— Так я приеду.

— Учиться приехала — учись. Чего мотаться.

Нина молчала. Варвара достала платок, вытерла нос, хотя, кажется, не плакала. Потом заговорила про зимнюю кофту: оставила дома, передаст с okazji. Кофта была старая, Нина не хотела её брать, но теперь не стала спорить.

Миша вернулся со знакомой мокрой прядью на лбу, напомнил, что пора. Варвара поднялась. Ещё раз посмотрела на комнату, будто хотела удержать её целиком, от шкафа до трещины на потолке. Обняла дочь крепко, обеими руками; Нина оказалась носом у неё под подбородком и на секунду снова почувствовала свой прежний рост.

— Ишь какая колючая, — сказала мать, отстраняясь. — Всё руки в бока.

— Я тебя обнимаю.

— Обнимаешь. Локтем мне в ребро.

Они засмеялись. Миша взял материн узел. У двери Варвара повернулась, собралась добавить ещё что-то и передумала. Ушла первой, пока можно было уйти без нового прощания.

Нина проводила их до угла. Постояла, глядя вслед. Мать шагала быстро, брат немного отставал; потом догнал, взял её под руку. Варвара что-то сказала ему и оглянулась. Нина подняла руку. Брат помахал в ответ, мать только кивнула, словно они встретились на улице и ещё через час увидятся дома.

Обратно Нина шла медленно. Возле дверей нащупала карман, испугалась и вспомнила: ключ остался на столе. Пришлось стучать хозяйке. Екатерина Ивановна открыла, молча пропустила. Нина поднялась к себе с таким стыдом, будто уже за первый день успела провалиться во всей взрослой жизни.

* * *

Вечером приехала соседка по комнате. Её звали Зоя, ей было семнадцать, и она привезла маленькую певучую гармошку, которой очень гордилась и совсем не умела пользоваться. С нею приехал отец, высокий сухой человек, говоривший редко и исключительно по делу. Увидел гармошку на кровати, спросил:

— И это приволокла?

— А ты думал, я её где оставляю?

Он не ответил. Придвинул Зоин сундук к стене, потряс дверцу шкафа, проверяя, крепко ли держится. Екатерина Ивановна, стоявшая в дверях, сразу велела ничего не чинить без спроса. Мужчина отошёл от шкафа и взялся за умывальник. Хозяйка отвела его к кухне; некоторое время оттуда слышался деловой разговор. Зоя закатила глаза.

— Теперь будете с водой. Он не уйдёт, пока не приладит.

Нина засмеялась. Зоя откинула крышку сундука, достала две книги и круглый свёрток. В свёртке оказалась жареная курица. Комната сразу наполнилась запахом, который не имел отношения к одиночеству и отдельной жизни.

— Есть будешь? — спросила Зоя.

— Я только...

— Я тоже только. Давай нож.

Нина дала нож. Они ели, сидя на разных кроватях, тянулись к середине стола. Курица была тугая, жилистая; Зоя ругала её за то, что сама отказывается отдать мясо людям. Когда пришёл отец, девушка спрятала за спину обглоданную кость, как будто он мог запретить доедать собственную курицу.

— Хватит на полмесяца? — спросил он, глядя на остаток.

— Мы понемногу.

— Вижу.

Он оставил деньги, позвал дочь в коридор. Нина убрала нож, вытерла стол. Через дверь был слышен Зоин голос — уже другой, быстрый, сердитый. Отец отвечал негромко, слов не разобрать. Потом послышался поцелуй, стукнули сапоги. Зоя вернулась с красными глазами и сразу принялась за гармошку.

Нина хотела спросить, чем её обидели, но соседка так уверенно нажала несколько клавиш, что пришлось засмеяться. Гармошка протяжно вздохнула и выдала звук, похожий на жалобу плохой двери. Зоя посмотрела на инструмент с уважением.

— Слышала? Если тихо, хорошо выходит.

— Кому хорошо?

— Мне. Ты пока потерпи.

За стеной стукнули. Зоя быстро сложила меха, сунула гармошку под кровать и шёпотом сказала, что здесь явно не любят искусство. Потом спросила Нину, из какого та города. Услышав про Мологу, замолчала и взглянула уже с другим выражением.

— У вас правда всё под воду?

Нина стала собирать крошки на ладонь.

— Говорят.

— А люди?

— Здесь вот сидят. Курицу твою едят.

Зоя рассмеялась, но не так свободно, как прежде. Нина пожалела о шутке: девушка ни в чём не виновата, просто впервые встретила человека оттуда, о чём слышала. Она решила объяснить про дом, про участок и весенний переезд. Пока рассказывала, заметила, что говорит почти материнскими словами: разберём, пронумеруем, поставим. Уже не звучало ни страшно, ни необычно; только долго и хлопотно.

Зоя слушала внимательно. Наконец спросила:

— А если дверь забудут?

Нина улыбнулась. Так мог бы спросить Павлик.

— Отец не забудет.

— Это хорошо. Я бы свою комнатную забыла. Она у нас всё время заедает.

Они легли рано, хотя спать сразу не получилось. Каждая слышала другую. Зоя поворачивалась, тюфяк шуршал; внизу разговаривала хозяйка. Где-то хлопнула наружная дверь. Нина лежала с открытыми глазами и не узнавала ни одного звука.

Дома в это время мать убирала со стола. Павлик должен был сидеть над уроками, растянув тетрадь на освободившемся Нинином месте, отец — вытаскивать из кармана всё, что за день насыпал: гвоздь, короткий карандаш, занозистую щепочку. Она видела их так ясно, что захотелось встать, пройти в кухню и спросить, чего не ложатся. Вместо кухни за дверью находился коридор с незнакомым умывальником.

— Ты спишь? — спросила Зоя.

— Нет.

— Я тоже.

Нина повернулась. За окном было достаточно светло, чтобы различить её лицо. Зоя лежала носом к потолку, пальцами перебирала край подушки.

— Завтра заблудимся, — сказала она.

— Я дорогу знаю.

— А обратно?

— И обратно знаю.

Зоя помолчала.

— Тогда хорошо.

* * *

Константин пришёл к дому в первое воскресенье. Нина увидела его из окна, но не сразу поверила, что он к ней. Он стоял у забора, держал под мышкой тонкую книгу, на вид совсем не нужную человеку с его руками. Зоя заметила первой и спросила, почему он прячется. Нина сказала, что не прячется, вышла в коридор и долго искала ключ, который лежал на обычном месте.

За лето они встречались трижды. Два раза у Капитолины, которая всякий раз находила, ради чего оставить их в комнате одних, и один — на улице, когда Нина была с матерью. Константин не делал виду, будто уже всё решил, и от этого хотелось заставить его решить что-нибудь поскорее. При расставании он спросил, где Нина собирается жить в Рыбинске. Она обещала передать через его тётку, передала и потом неделю делала вид, что забыла.

— Нашёл, — сказала Нина, выйдя за калитку.

— Тётка у меня обстоятельная.

Он протянул книгу. Сборник стихов, обложка чистая, но корешок помят. Нина открыла наугад, увидела чужую подпись на первой странице.

— Чей?

— Мой теперь.

— А раньше?

— Не украл. Купил.

Она улыбнулась. Он смотрел на неё с прежним выражением, словно готов был подхватить шутку, но сначала хотел понять, что она скажет всерьёз.

— Ты читаешь? — спросила Нина.

— Иногда. Ты можешь не проверять.

Ей стало стыдно. Она попросила подождать, поднялась к себе, положила книгу на стол. Зоя не стала спрашивать, только потянулась к обложке. Нина вернулась на улицу и предложила пройтись. День был ветреный, золотая пыль летела с деревьев. В чужом городе оказалось легко идти рядом с мужчиной: никто не звал её по имени, не спрашивал, когда отнести готовое, не обещал рассказать матери. Они прошли несколько улиц, остановились возле воды.

Константин рассказал про работу. Нина не всё поняла, но не попросила повторить: он говорил охотно, руками показывал, как заедало и как освободили, а потом вдруг замолчал.

— Неинтересно?

— Нет. Я только не знаю, что такое... как ты сказал.

Он объяснил иначе. Не усмехнулся, не начал с того, что это всякому понятно. Нина слушала, глядя на его руки; возле большого пальца темнел ноготь, на костяшке был свежий порез. Когда он заметил, что она смотрит не туда, рассмеялся.

— И не слушаешь.

— Я смотрю. Это тоже способ.

— А у тебя что?

Она рассказала про Зою и гармошку. Про чужую кровать, куда надо залезать с подставки. Хотела рассказать про занятия, но вдруг выяснилось, что самые важные новости пока не имеют отношения к учёбе. Константин слушал серьёзно и только на подставке улыбнулся.

— Тебе лестницу сделать?

— Можешь меня сразу на крышу поселить. Там светлее.

— Я спрошу у хозяйки.

— Не смей.

Они засмеялись вместе. Потом подошли к месту, где ветер задул особенно сильно, и Константин сам взял её под руку. Нина не отстранилась. Рука оказалась тёплая, тяжёлая; рядом с ним идти было удобнее, хотя она всё равно могла бы сказать, что идёт сама.

К вечеру он проводил её обратно. На повороте задержался, будто хотел спросить о следующем воскресенье и не находил, с чего начать. Нина ждала. От ожидания стало смешно и немного страшно.

— На неделе можно? — спросил он наконец.

— Я до вечера занята.

— И я.

— Так к вечеру.

Он кивнул. Отпустил её руку, но не сразу ушёл. Нина повернулась к калитке, и тут он осторожно тронул её за локоть.

Поцелуй получился короткий, неловкий. Константин наклонился, она подняла голову слишком высоко; столкнулись носами, оба рассмеялись и попробовали ещё раз. Во второй раз смеяться уже не хотелось. Нина чувствовала его пальцы на рукаве и удивлялась, что это происходит у настоящего забора, на настоящей улице, где кто угодно может пройти мимо.

Он отступил первым. На лице проступил такой испуг, будто она могла сейчас за всё рассердиться. Нина дотронулась до его воротника, расправила загнутый край.

— В среду, — сказала она.

Константин посмотрел на неё, выдохнул и улыбнулся.

Она вошла в дом. В коридоре висело чистое хозяйкино полотенце; умывальник больше не подтекал. Нина поднялась по ступеням, открыла комнату и обнаружила Зою на высокой кровати. Та сидела, уперев ноги в подставку, держала на коленях чужую книгу.

— Он тебя поцеловал?

— Откуда ты знаешь?

Зоя раскрыла рот, потом сложила пополам от смеха. Нина бросила в неё платок. Соседка поймала, приложила к щеке и стала изображать, как ждёт поклонника. За стеной стукнули, но в этот раз обе не сразу замолчали.

Позже Нина вытащила отцовскую коробочку. Игла, ножницы, две катушки и булавки легко уместились по ячейкам. Деньги лежали на столе отдельно; их следовало разделить на ближайшие дни. Девушка сняла с пальца зацепившуюся нитку, положила к остальным и вернулась к книге, которую принёс Константин. На первой странице, под чужой подписью, было достаточно места для её имени.

Глава 7. Нижний венец

Под полом пахло землёй и старым деревом. Яков лежал на боку, подсвечивал фонарём нижнюю часть стены и никак не мог устроить плечо: поворот получался тесный, локоть упирался в подпорку. У отверстия в полу Павлик ждал, когда понадобится инструмент, и без конца просовывал вниз голову.

— Отойди, свет закрываешь.

Мальчик отступил.

— Ты же с фонарём.

— Всё равно закрываешь. Отвертку дай.

Павлик принёс. Яков протянул руку, получил холодную рукоятку, повернулся ещё немного и надавил остриём на древесину. Сначала вошло легко, потом упёрлось. Он перенёс фонарь, соскрёб рыхлый верхний слой. Под ним было плотнее. Плохо, но не так, как могло бы.

Осень пришла сырая. Снег подолгу не держался, вода стояла под навесом, где весной полагалось быть сухо. Яков знал это место. Три года назад собирался поправить отвод, потом подсыпал земли, стало лучше, и до следующей большой сырости не вспомнил. Варвара несколько раз говорила, что в углу пахнет. Он отвечал: погребом пахнет, чего там ещё ждать. Теперь над головой находилась их кухня, а рыхлая полоска дерева крошилась под пальцами.

— Пап, тебе не дуется?

— Нет.

— А мне дуется.

— Так отойди от дыры.

Павлик послушался. Яков улыбнулся в темноте и снова надавил отвёрткой. Дерево под углом было хуже. Он провёл пальцем вдоль соединения, попробовал ниже. Нельзя было понять всё с одного места; следовало лезть с другой стороны. Там придётся отодвинуть тяжёлый сундук и поднять ещё одну половицу. Варвара начнёт спрашивать, надолго ли. Яков попробовал устроить фонарь на земле и задел его коленом. Свет метнулся вверх, погас.

— Паш, спички.

Мальчик появился сразу. На этот раз отец позволил ему остаться, придержать край. Фонарь пришлось вытащить наружу, поправить фитиль. Павлик стоял на коленях, глядел, как Яков зажигает, и держал ладонь возле стекла, пока отец не отвёл её подальше.

— Где трогаешь, головой сперва подумай.

— Я не трогаю.

— Вот и не надо.

Яков устал раньше, чем собирался. Вылез, выпрямился, ладонями потёр поясницу. Из-за стены вышла Варвара. За время его работы она успела сходить за водой; на подоле темнели мокрые пятна. Ведро оставила в сенях, а теперь смотрела на отодвинутую доску с понятным неудовольствием.

— Ну?

Он положил отвёртку на край отверстия.

— Там угол надо будет менять.

— Опять менять. Ты говорил, всё хорошее.

— Я говорил, что смотреть надо.

Варвара прикусила губу. Яков видел, как она вспоминает, что именно он говорил и при ком. Ему сейчас хотелось помыться, поесть и отложить всё до утра. Сырость въелась в рукава, в правой щеке чесалось от земли. Но жена уже присела, заглянула внутрь.

— Много?

— До разборки не скажешь.

— Ты туда зачем лазил?

— Чтобы хоть это сказать.

Она выпрямилась. Павлик принялся счищать землю с отцовского рукава, и Яков отстранил его: только размажет.

— Новые брёвна надо, — сказал он. — Несколько.

— Сколько — несколько?

— Варя, я пока не знаю.

Ответ ударил по ней сильнее, чем по нему. Яков привык не знать точного размера работы, пока не начал. Жене надо было видеть, чем закончится, иначе любой угол расползался перед ней на целый дом. Она встала возле стены, провела рукой по брёвнам над полом. Здесь всё выглядело крепко.

— Так ты заранее возьми. Чтоб потом не бегать.

Яков кивнул. Это было разумно, и всё равно он предпочёл бы услышать другое: ну посмотри ещё, вдруг не так плохо. Тогда можно было бы сердиться на Варварино упрямство и работать спокойно. Она сразу согласилась с его худшей догадкой, и спорить оказалось не с кем.

Наутро пришёл Егор Лукич. Ему шёл седьмой десяток, он давно знал Якова и позволял себе говорить с ним так, словно тот всё ещё подмастерье. У порога снял шапку, потрогал мокрые рукавицы, вздохнул:

— Всё же у вас пол низкий.

— Выше станет — будешь говорить, как лазить трудно.

Егор Лукич не ответил. Принял фонарь, опустил, побряхтел под полом. Яков ждал, присев на корточки. Павлик ушёл в школу; Варвара сидела в кухне, делала вид, что не прислушивается. Кота пришлось закрыть в передней. Тот дважды лез к открытому месту, а когда его вытаскивали, возмущался, будто у него имелись права на это исследование.

Егор вылез, положил фонарь, долго отряхивался. Принял у Варвары таз и вымыл руки до локтей. Только после этого заговорил.

— Снизу два точно не вози. Выше сам смотри. Где концы, хуже будет.

Яков кивнул.

— Я так и думал.

— Так и думал. Чего же меня позвал.

— Вдвоём думать легче.

Егор фыркнул. Сел у печи, подставил к теплу ладони. Варвара налила ему чаю; Яков заметил, что чашку взяла хорошую, с целой ручкой. Ему самому с утра дала надбитую. Наверняка не нарочно, но всё равно хотелось поменять.

— Ты уж лучше новый, — сказал Егор. — Тут разбирать, там складывать. Перевезёшь — в дороге поломают. Потом опять твоя работа.

— Чужими деньгами легко.

— Я тебе не деньги считаю. Спину твою.

Он отпил чаю, сморщился: слишком горячо. Варвара пододвинула блюдце. Яков молчал. Поднять новый дом, хоть небольшой, было бы хорошей работой, если бы у него в это время оставался старый, в котором можно жить. Сейчас нужно было прежде вынуть из-под семьи одно, потом успеть поставить другое. На новое требовалось сразу больше. Егор понимал это не хуже него, но предпочитал давать совет, за который не придётся отвечать.

— Лес достану, — сказал Яков. — Что плохое, сменю.

— Достань. Чего мне. Я тебя предупредил.

Варвара не вмешивалась. От её молчания Яков тревожился больше, чем от вопросов. Она не умела легко уступать, только сейчас могла не расслышать выбора: решит, что он остался при прежнем намерении и всё уже посчитано.

Когда Егор ушёл, Яков сам поднял вторую половицу. Отодвинул сундук, вытащил гвоздь, держал доску, пока Варвара убирала из-под неё забытые обрезки ткани. Самые старые были почти чёрные. Она узнала один, засмеялась:

— Это ещё до Миши.

— Давно пора выбросить.

— Под нами-то сколько лежит.

Он оглянулся. Жена сидела на пятках, мокрой тряпкой собирала землю с доски. Когда они поженились, в доме уже были две комнаты, низкие окна и тяжёлый порог. Тогда Варвара всё перемила, выскребла и в первый же месяц выбелила печь, хотя Яков просил подождать. Купили старый дом, а она обращалась с ним как с человеком, которого можно отмыть от прежней жизни.

Он прежде сердился на её старание и всё равно потом брался за работу: нужно же, чтобы молодая жена ходила по ровному полу. В спальне заменил доски, расширил полку, повесил умывальник. Зиму прожили холодную, неудобную. Весной родился Миша, и с того времени дом представлялся им таким, каким был всегда: с детским плачем, мокрыми пелёнками и не оставлявшими на столе чистого места тряпками. До того тоже жили люди, только Яков почти не вспоминал, где стояли их кровати.

— Ты чего? — спросила Варвара.

Он опустил доску.

— Ничего. Отойди, подниму.

Она убрала тряпку. Яков наклонился в открытое место, потом сел прямо на пол. С другой стороны угол выглядел хуже: старая течь шла сверху, темнела полоса вдоль стены. Отвёртка вошла легко уже выше нижних двух брёвен. Он надавил там, где надеялся встретить крепкое, и услышал сухой хруст.

Варвара не стала спрашивать. Просто смотрела.

— Я сверху поправлю, — сказал он.

— На один год?

— На зиму.

Она села рядом, поджала ноги, чтобы не наступать на снятую половицу. В кухне потрескивал огонь. За стеной кот толкал дверь и жалобно мяукал, ожидая, что жалость наконец окажется сильнее запрета.

— Яша, если не годится, не надо, — сказала Варвара.

Он повернулся к ней. Слова были совсем тихие, но от них захотелось встать, пройти, заняться чем-нибудь немедленно. Ещё недавно жена требовала сохранить всё, сегодня готова была отдать. Значит, посмотрела на его спину и решила то же, что Егор.

— Годится, — ответил он.

Варвара потянулась, взяла его за рукав.

— Я про плохое. Плохое не вези.

— Так не повезу.

Он сказал резче, чем надо. Жена отпустила рукав, Яков уставился в тёмное отверстие. Ему было неприятно, что она согласилась не с тем, что он хотел, а с тем, чего сам боялся. Дом можно разобрать, если знаешь, как сложить. Теперь до самой разборки оставалось не знать, сколько у тебя пригодного дома.

Вечером он написал Михаилу. Попросил узнать про лес, цены и людей, которым можно поручить доставку. Долго выбирал слова, чтобы сын не решил, будто отец уже сдался. В конце добавил, что сам всё посмотрел, лишнего не возьмёт. Перечитал, зачеркнул «сам», оставил просто: посмотрел.

Павлик делал уроки напротив. Он вывел строчку, поднял голову и спросил, разрешат ли ему на новом месте держать голубей.

— С матерью говори.

— Она сказала, с тобой.

Яков положил карандаш.

— Это она хорошо придумала.

Мальчик ждал. Отец посмотрел на его длинную шею, на новое пятно у воротника. Вырос за лето, рукава снова коротки. Перевезти предстояло ещё и этого человека, а он уже собирался заводить своё хозяйство.

— Поставим дом — увидим, — ответил Яков.

— А где увидим?

— Там. В новом месте.

Павлик вздохнул, словно взрослый опять не понял вопроса. Уткнулся в тетрадь. Яков дописал адрес, отложил конверт, потом встал и принёс к столу колесо, которое мальчик получил от товарища. Колесо вымыл ещё летом, оно так и стояло без дела. Он покрутил его на коротком гвозде, подумал, где найти второе.

— Это ось плохая, — заметил Павлик.

— Знаю. Примеряю.

Мальчик бросил карандаш, подошёл. Смотрел внимательно, не мешая. Яков позволил ему подержать колесо, пока вытаскивал гвоздь. С гнилым углом дома сегодня уже ничего не сделать, а здесь ещё оставался час до сна.

Глава 8. Гостья

Письмо отца Михаил получил в ноябре и сперва прочитал только начало. Хозяйка стояла над ним, ждала, когда он передвинет сундук: за сундук закатилась её щётка. Пришлось отложить лист, поднять тяжёлый угол, выслушать, что жить надо аккуратнее. В сундуке хранились хозяйкины вещи. Миша чуть не сказал об этом, но она уже достала щётку и ушла довольная.

Яков писал про угол дома. Не жаловался, даже добавил, что плохого немного. Следом шла просьба узнать, где достать подходящий лес, сколько будет стоить и кто возьмётся доставить. Михаил прочитал её дважды. Отец редко просил его о чём-то, требующем не денег и не свободного дня, а собственного решения. От этого письмо сразу стало важнее всех прежних домашних писем.

Он обошёл людей, к которым посоветовал обратиться Селиванов. В одном месте не было нужного, в другом обещали без срока. Третий человек назвал такую цену, что Михаил испугался: как будто ему предлагали купить заново весь дом. Домой написал обо всём, не выбирая самого приятного ответа. Яков откликнулся коротко: сам приедет, посмотрит, Миша пусть пока ничего не берёт.

Старшая часть доверия исчезла, осталась младшая — провести отца к нужным людям и не забыть время. Михаилу это не понравилось, зато Яков после поездки остановился у него, посидел на краю чужой кровати и сказал, что комната холодная. Сказал почти материнским голосом. Миша напоил его чаем, и разговаривать стало легко.

Про Лидию отец услышал тогда же. Не стал расспрашивать, серьёзно ли; только велел когда-нибудь привезти, пусть мать посмотрит.

— Чего смотреть-то, — ответил Михаил.

Яков огляделся, отыскивая, куда поставить чашку.

— Ну, знакомиться. Не нравится тебе, как говорю, сам скажи.

Михаил отвёз отца до места, откуда тот отправлялся в Мологу, и весь обратный путь сердился на себя. Ничего оскорбительного отец не имел в виду. А Миша теперь заранее защищал девушку даже от обыкновенного любопытства, будто Лидия, едва оказавшись перед его родными, перестанет уметь отвечать.

Привезти удалось в январе. Не на праздник — выбрали свободные дни, долго согласовывали, потом Лидия чуть не отказалась: у тётки разболелся младший, оставить хозяйство оказалось не на кого. Михаил помог наносить воды, принёс дров, сходил за покупками. Тётка посмотрела на приготовленное и велела Лидии перестать раздумывать. У самой Лидии к тому времени был собран маленький узел.

На пороге Соколовых она сразу покраснела. Михаил прежде не видел её такой. Стояла, не решаясь переступить, будто снег на её валенках был хуже всякого другого. Мать появилась из кухни, вытерла ладони, подхватила узел и распорядилась разуваться. За минуту испуг Лидии оказался разобран на привычные действия: шапка сюда, платок на крючок, валенки подальше от жара.

— Здравствуйте, Варвара Андреевна, — успела сказать она.

— Здравствуй, милая. Замёрзла? Миша, ты чего в дверях вырос, дай человеку пройти.

Он отступил. Лидия улыбнулась ему через плечо, прошла в кухню и увидела Нину. Сестра приехала накануне, при Михаиле уже успела заявить, что ради такого события учёба от неё не убежит. Он велел не дурачиться. Теперь Нина сама подошла, назвала себя и взяла Лидию за руку, помогая пройти мимо стола.

Яков ждал в передней. Встал, поздоровался с гостьей за руку. Павлик выглядывал из-за его спины так внимательно, что Михаил пихнул его локтем. Младший сразу отступил, но через минуту вернулся с вопросом, правда ли Лидия всем рабочим готовит.

— Не всем. У нас повар есть.

— А ты что?

— Что велят. Чищу, ношу, подаю. Тебе бы понравилось, есть дают.

Павлик посмотрел на мать. Варвара велела не путаться под ногами и отослала его принести воды к умывальнику. Лидия проводила мальчика взглядом, тихо улыбнулась. Михаил увидел, что ей стало легче.

Она принесла хлеб, испечённый тёткой, и кусок ткани для Варвары. Ткань была хорошая, плотная; мать развернула на свет, проверила край. Лидия сказала, что тётка послала из того, что сама берегла, и Михаилу захотелось рассказать, как долго выбирали подарок, как Лидия ругалась на него за совет взять что-нибудь съедобное. Но он промолчал. Мать уже благодарила, сравнивала цвет со своей кофтой и приглашала сесть.

За столом Лидия сначала отвечала мало. Михаил видел, как она удерживает ладони на коленях, хотя дома у тётки не сидела бы спокойно при подаваемой еде. Варвара поставила перед ней тарелку, потом подала ещё. Лидия съела всё, потому что отказать матери жениха показалось труднее, чем справиться с лишним. Женихом Михаил себя ещё вслух не называл. Но когда мать спросила у девушки, далеко ли её родители, ответ слушал именно с этим чувством.

Лидия была из Углича. Мать жила там с младшей сестрой; отец умер, когда девочки ещё ходили в школу. Про смерть она сказала без подробностей. Варвара не полезла с вопросом, только спросила, часто ли ездит. Лидия ответила, что не часто, посылает деньги. Нина перестала крутить ложку и посмотрела на брата. Мише было приятно, что сестра услышала это сама, а не из его похвалы.

— А я думал, ты здесь всегда, — сказал Павлик.

— И я иногда так думаю, — ответила Лидия.

Он рассмеялся. Она сама не смеялась, только отодвинула пустую тарелку. Михаилу захотелось подвинуться к ней поближе, но мать уже обратилась к нему: почему не ест, весь день ехали, теперь станет рассказывать, что не голодный. Лидия улыбнулась над своей тарелкой. Он послушно взял добавку.

Когда стали убирать, девушка всё-таки встала. Варвара отказалась принимать помощь, Лидия сказала, что ей сидеть надоело, и унесла миски. Нина отдала ей чистое полотенце, сама занялась чашками. Троим женщинам оказалось тесно возле одного стола. Они то и дело просили друг друга подвинуться и смеялись, потому что Михаил пытался пройти к хлебнице и нигде не находил прохода.

Яков сел возле окна, закурил. Павлик принёс свой ящик и стал показывать Лидии камни. Мать велела не нести их к посуде. Лидия вымыла руки, вытерла о полотенце и только потом взяла самый большой, полосатый. Подержала на ладони, повернула.

— Тяжёлый.

— Он речной.

— Потому и тяжёлый?

Павлик понял, что сказал не то, засопел и предложил показать девять других. Михаил уже хотел остановить его, но Лидия попросила принести. Мальчик побежал за банкой. Нина, стоявшая рядом, посмотрела на девушку без прежней испытующей улыбки.

Вечером играли в карты. Варвара не собиралась садиться, потом заявила, что Яков подсказывает Павлику, и осталась следить за честностью. Через полчаса сама держала карты вее-ром, забыв, ради чего пришла. Лидия проигрывала спокойно, почти равнодушно, а потом вдруг взяла две партии подряд. Павлик потребовал, чтобы она объяснила, как это сделала. Она показала на отца: он первый начал, она только смотрела.

Яков рассмеялся. Миша увидел, что у девушки дрожат от смеха плечи, и под столом осторожно коснулся её колена. Она чуть повернулась, на мгновение накрыла его руку своей. Потом убрала: Варвара заговорила про новые сени.

— На другом месте вам удобнее будет. Отец перегородку по-другому поставит. И вход, чтоб не насквозь.

Михаил не сразу понял, что мать обращается к Лидии. Та подняла голову.

— Нам?

— Вам. Мише с тобой. Не всю же жизнь у чужих людей жить.

В кухне было тепло. Лампа стояла посредине стола, за её стеклом подрагивало жёлтое пламя. Михаилу вдруг показалось, что сейчас все посмотрят на него, как при неверном ответе у прибора. Но Нина поправляла карты, Яков продолжал курить, Павлик дул на мокрый от чая край рукава. Ответа ждали от Лидии.

— Спасибо, — сказала она.

Мать довольно кивнула. Знакомство как будто завершилось благополучно; осталось допить чай, доиграть и уложить всех спать. Михаил взял карты, обнаружил у себя совсем не то, что помнил. Лидия сдала ему лишнюю, пришлось разбираться. Она не смотрела на него. Ещё через две партии попросила разрешить помочь с постелями.

Спать Нину с Лидией положили в передней, Михаила с Павликом возле кухни. Нина смеялась, что гости сразу показывают весь будущий достаток. Мать велела не явзвить. Лидия аккуратно сложила платье на спинку стула, укрыла туфли платком, чтобы не пылились. Она делала всё привычно, и только Миша теперь пытался угадать, чем обидел её дом, который ещё даже не был перевезён.

* * *

Наутро он выпросил у матери поручение и позвал Лидию с собой. Уйти просто гулять было неловко: сразу понятно, что нужно говорить без других. Варвара велела занести соседке отрезанный кусок ткани на показ, потом добавила, что возвращаться можно не торопясь. Значит, тоже поняла.

День был ясный. Снег возле заборов поднялся высоко, с деревьев сыпалась мелкая изморозь. Лидия шла быстро, прижимала к подбородку платок. Михаил принял у неё свёрток, отнёс соседке и вернулся на улицу. Они пошли дальше, к свободному месту между домами, где ветер сразу ударил в лицо.

— Замёрзла? — спросил он.

— Не очень.

— Вчера...

Она остановилась. Миша тоже.

— Я не просил маму говорить, — сказал он.

Лидия смотрела на носки своих валенок.

— Я знаю.

— Так чего ты?

— Ты ей обещал?

— Ничего я ей не обещал. Поговорили. У них дом будет, места хватит.

— Мне ты не сказал.

Михаил почувствовал знакомое желание объяснить сразу всё: сколько стоит жить отдельно, как трудно ездить, сколько работы будет с домом. Слова были верные, только Лидия уже приподняла голову и ждала ответа на своё.

— Я сам ещё не решил, — сказал он.

— А она решила.

— Это же не беда. Отдельно будет комната.

— Ты видел ту комнату?

— Не построили ещё.

— Так откуда ты знаешь, что отдельно?

Михаил промолчал. Раньше ему хватало слова «дом», чтобы возникли тёплый стол, мать у печи, место, куда приходят с работы и где не нужно объяснять, зачем наливать себе вторую кружку. Лидия провела в этом доме вечер и ночь. Её никто не спросил, сможет ли она по утрам выходить, не разбудив младшего, и куда станет класть свои вещи. Ему самому эти вопросы пока не приходили в голову.

— Я не говорю, что нет, — сказала девушка. — Мне у вас хорошо было.

— Тогда зачем...

— Миша.

Он замолчал. Лидия впервые произнесла его имя так, словно просила не забегать перед ней дальше по дороге.

— Я к тётке приехала на два месяца. Пятый год живу. Мне всё хорошо, и всё я на месте. Только своего у меня ни угла, ни крючка. Ты меня опять в гости зовёшь?

Михаил посмотрел на её платок, на маленькие кристаллики снега возле подбородка. Снять бы рукавицу, стряхнуть; вместо этого сунул руки глубже в карманы.

— Я тебя замуж зову.

Лидия не улыбнулась. На лице ничего не переменилось, и от этого Мише стало страшно, как не бывало прежде рядом с ней.

— Так ты мне скажи, — ответила она. — Не маме.

Он вынул руки, взял её за локти, придвинул к себе. Мимо в этот момент прошла женщина с вёдрами, оглянулась. Михаилу было всё равно. Лидия повернулась вслед женщине, потом подняла на него глаза.

— Лида, выйдешь?

Она выдохнула, и на морозе между ними появилось белое облачко.

— Я думала, ты никогда не спросишь.

Он поцеловал её прямо в холодный кончик носа. Потом попытался в губы, но платок мешал, Лидия засмеялась и освободила подбородок. Целовалась она совсем иначе, чем он ожидал от вчерашней смущённой гостьи. Михаил забыл на время про ветер, про женщину и про то, что оставил ворот пальто незастёгнутым.

Когда отстранились, девушка поправила на нём ворот сама.

— Про дом потом поговорим, — сказала она. — Сегодня маму не обижай.

— Так она рада будет.

— Я знаю. Я и говорю.

Обратно Лидия держала его под руку. Про будущее они успели сказать только, что пожениятся после переезда, когда станет ясно с жильём. Отдельная комната ещё не появилась, денег не прибавилось, но Михаилу хотелось идти медленнее. Возле калитки Лидия остановилась, отняла руку и велела ему первым зайти в дом. Он послушался.

Мать сидела за столом, перебирала крупу. Подняла голову, сразу улыбнулась, потом попыталась сделаться обычной.

— Ну, показали?

— Показали.

Варвара посмотрела на девушку, на сына, отодвинула миску и встала. Обняла Лидию так крепко, что та зажмурилась.

— Сказал наконец? — спросила мать.

— Мам!

— Чего «мам». Я и так вижу.

Лидия рассмеялась у неё на плече. Михаил стоял рядом, счастливый, слегка обиженный тем, что мать снова успела первой. Яков вышел из передней, взглянул на всех троих и протянул ему руку. Павлик потребовал объяснить, почему остальные смеются. Нина закричала из кухни, что сама собиралась спросить, раз никто не докладывает.

Миша пытался что-то ответить, но мать уже командовала, чтобы ставили чайник. Она нашла в шкафу своё последнее варенье и внесла на стол, как будто берегла именно для этого дня.

Глава 9. Без крыши

Когда сняли первые доски с крыши, в передней стало светло по-новому. Варвара вошла за забытым полотенцем, подняла голову и увидела кусок неба там, где прежде был потолок. Потолочные доски уже вынесли, сложили во дворе. Сверху донёлся голос Якова:

— Ты зачем туда?

— Полотенце взять.

— Я тебе ещё вчера сказал, всё выноси.

Он не сердился, только требовал выйти. Варвара нашла полотенце на гвозде у окна, сняла. На гвозде оно висело столько лет, что рука сама отыскивала нужное место в темноте. Теперь не было ни шкафа, ни стола, за которым обычно приходилось протискиваться. До окна дошла свободно, а обратно всё равно повернула боком.

Во дворе лежали связки, ящики, рамы. На одну раму она ещё утром намотала тряпку и велела каждому обходить осторожнее. Павлик ходил вокруг, боялся оставить вещи без присмотра. В его узле помещались одежда, тетради и зелёный ящик; жестяную банку с камнями мать разрешила везти только после того, как он сам донёс её до собранных вещей. Яков советовал оставить половину, мальчик молча вынул два камня, долго подержал и положил обратно. Варвара не стала настаивать.

Было начало мая 1938 года. Снег давно сошёл, земля подсыхала медленно, на тропинках оставались тяжёлые следы. В доме ночевать перестали позавчера. Матрасы, постель, посуду, которую ещё придётся употреблять, отнесли к соседке Матрёне Павловне. Та освободила тесную комнату, вымыла пол и в первый вечер трижды сказала, что стесняться незачем. После третьего раза Варвара стала стесняться ещё сильнее.

Михаил выпросил несколько дней и приехал помогать. Взрослый, работающий, уже почти женатый сын в старой Яковой рубаше выглядел опять домашним. Варвара ловила себя на желании поручить ему не самое тяжёлое. Он замечал, обижался, брался ещё усерднее. Нина приехать не смогла, прислала письмо, где подробно объяснила, почему сейчас не отпустят, и вложила денег. Варвара прочитала, сперва обрадовалась, потом рассердилась: дочь отдала лишнее, самой теперь нечего будет есть. Деньги всё-таки убрала.

К Якову пришли двое нанятых плотников. Старшего звали Фёдором, младший приходился ему братом и слушался с задержкой. От этого во дворе постоянно слышалось: «Тебе сказал» — и только потом ответ. Егор Лукич помогал размечать. Брёвна метили так, чтобы на новом месте знать их порядок. Яков сам проверял каждую метку и долго не давал братья за следующую стену, хотя Фёдор уверял, что всё и без этого видно.

Варвара перестала смотреть на крышу. Работать надо было внизу. Она перетаскала ещё несколько свёртков под навес, вынесла из сени старое сито. Сито не влезало в уже собранную корзину. Пришлось вынуть горшок, завернутый в кофту, переуложить, затянуть. От всякого такого дела Варвара успокаивалась: вещь находится, помещается, можно взяться за другую.

С печью получилось хуже. Кирпич снимали отдельно, разбирали пригодный и битый. Старая печь держала угол кухни до последнего, потом стала низкой неровной кладкой. Варвара подошла, взяла целый кирпич, ладонью соскребла приставшую к нему сухую глину. Яков окликнул её, велел надеть рукавицы. Она послушалась. Кирпичи оказались тяжелее, чем представлялось по аккуратным красным бокам.

Павлик тоже стал носить. Первые два взял по-взрослому, обеими руками, прижал к груди. Мать велела не пачкать рубашку, он показал на отца: у того рубашка уже вся. Варвара хотела сказать, что это другое, но вместо этого нашла мешковину и обернула мальчику грудь, завязав концы за спиной. Павлик посмотрел на себя, потребовал развязать. Она разрешила не носить кирпичи. Он помолчал и взял следующие.

К вечеру у неё заболели плечи, хотя она не поднимала брёвна. Фёдор с братом уже сняли часть стены, Яков ходил возле каждого освобождённого конца. Егор присел на низкую стопку досок, развязал ворот. Михаил нёс по две короткие доски сразу, сердито отклоняя помощь младшего.

— Ты ему одну дай, — сказала Варвара.

— Занозу загонит.

— Не загоню, — немедленно ответил Павлик.

Он всё-таки получил доску. Понёс с такой важностью, что Варвара отвернулась, чтобы не засмеяться. Возле новой жизни дети оставались теми же: старший отбирал тяжёлое, младший добивался разрешения устать.

Сверху снова крикнули. Варвара подняла голову. Яков стоял у открывшегося угла и смотрел не на неё, а внутрь стены. Фёдор опёрся на инструмент, младший брат замер рядом. Михаил остановился с досками.

— Подойди, — сказал муж.

Варвара поставила корзину. По дороге к нему почувствовала, как внезапно ослабли руки. Будто всю работу до этого она делала не для переезда, а для того, чтобы до этого места так и не дойти.

Древесина внутри была тёмная, рыхлая. Не вся, только у конца, где годами протекало. Яков ткнул шилом; острие вошло легко. Потом провёл дальше, нашёл плотное. Варвара видела разницу и без объяснений. Два нижних венца они заранее решили заменить, новые брёвна купили зимой и оставили у Елисеева на новом берегу. Здесь испорченным оказался кусок стены выше. Следующее бревно было лучше, за ним опять плохое.

— Много? — спросила она.

Яков не стал отвечать прежнее «не знаю». Поднял на неё глаза.

— С этой стороны концы снимать. Или менять ещё.

Фёдор отступил. Михаил положил доски на землю и подошёл ближе.

— Найдём, — сказал он.

Яков покачал головой.

— Найти можно. Заплатить нечем.

Миша промолчал. После помолвки он стал отдавать домой больше, чем прежде, и всё равно разговор всякий раз возвращался к тому, что чего-то не хватает. Варвара знала, сколько стоит его жильё, сколько Лидия посылает матери. Просить у сына ещё означало попросить и у неё. Девушка даже не стала Соколовой, а дом уже мог забрать из её жизни то, что она сама считала своим.

— Ты что хочешь? — спросила Варвара мужа.

— Переднюю укоротить. Здесь отрезать до крепкого. Пересоберём иначе. Целого больше останется.

Он показал, сколько уйдёт. Варвара сразу увидела не длину бревна, а место между столом и кроватью. Там стояла Нинина корзинка, позже предполагался шкаф для Миши с Лидией. Если отрезать, всё остальное придётся придвигать, переносить к печи, искать другую стену. Дом и так разобрали; теперь она должна была разрешить сделать его другим.

— А окно?

— Окно останется. Не там, где было.

— Ты сказал, можно целиком.

Яков провёл ладонью по тёмному краю. У него был серый лоб, пропылённые волосы. Он постарел за этот день на вид так сильно, что Варвара рассердилась на себя: смотрит на мужа, а видит удобного человека, у которого можно потребовать прежнего обещания.

— Я думал, крепче, — ответил он.

Фёдор отвёл взгляд. От этого стало ясно, насколько Якову трудно это сказать. Михаил подался вперёд, будто хотел помочь, но мать подняла руку.

— Режь, — сказала она.

Муж посмотрел.

— До крепкого режь. Только лишнего не снимай.

Яков кивнул, повернулся к Фёдору. Договорились быстро, уже рабочими словами. Варвара отошла. Теперь её не спрашивали, и хотелось вернуться, потребовать показать ещё раз, куда именно придётся стол. Вместо этого она взяла с земли забытый Павликом кирпич и отнесла к целым.

Ночью у Матрёны Павловны долго не спали. Хозяйка, ложась, сказала, что у неё тоже старый угол, надо бы глянуть. Яков обещал. Варвара лежала рядом на узкой постели и думала, как муж пойдёт смотреть ещё один дом, хотя утром собственный опять будет нуждаться в нём целиком.

Михаил спал на полу. Павлик прилачился возле стены, положив под голову свёрнутую кофту. Уже в темноте он спросил:

— Наше окно которое?

— Спи, — сказал Яков.

— Которое к калитке?

Варвара подняла голову. У ребёнка даже теперь оставался вопрос, на который можно ответить одним словом.

— Наше. Все наши.

— Не выкинут?

— Не выкинут.

Павлик успокоился. Варвара легла обратно, уткнулась лбом в Яково плечо. Муж долго не двигался, потом положил руку ей на затылок. На его рубашке пахло пылью, глиной, холодным ветром. Перед сном он отмыл руки до белого, но запах остался.

* * *

К концу разборки за привычным окном уже не было комнаты. Рама стояла во дворе, обёрнутая тряпками, за ней виднелся соседский забор. Варвара прошла между стопками, нашла узел с посудой, переложила ближе к другим вещам. Яков составлял на бумаге порядок, без которого в Слипе начнут путаться. Карандаш затупился, он точил его ножом прямо над коленом.

Михаил уехал обратно на работу. Обещал встретить груз на новом месте, проследить за купленным лесом и прийти, как только сможет. Варвара провожала его без прежней обиды: здесь его руки были нужны, там тоже нужно было кому-то быть. Нина написала коротко, что ждёт известия, когда помогать с вещами. Мать в ответ подробно перечислила, что будет у них после переезда, и ничего не сказала про укороченную переднюю. Не скрыла — отложила до встречи. Она так и объяснила себе, когда складывала письмо.

Павлик оставил зелёный ящик у Матрёны Павловны, а потом вернулся за ним, перепугавшись, что соседка нечаянно положит внутрь своё. Нёс перед собой осторожно, как лампу. Кот Кузьма шёл следом, громко мяукал. Уже два дня не находил привычного входа, лазил по доскам, выискивая тепло, и от него тоже хотелось спрятать всё, что могло разбиться.

— Ты ещё коту доложи, когда поедем, — сказал Яков.

— Я доложила. Он не слушает.

Варвара подхватила кота. Тяжёлый, тёплый, он сразу вцепился когтями в кофту, но остался на руках. Яков отложил карандаш, снял его с жены и понёс к Матрёне: там следовало

запереть, пока не уйдёт окончательно. Варвара смотрела, как муж несёт кота животом вверх, придерживая задние лапы, а тот ворчит всё тише.

Она не стала ещё раз обходить место, где жил дом. Из-за плотников и вещей здесь и так пришлось ходить весь день. Проверила, завязан ли узел с постелью, нашла свой нож, заткнутый за верёвку, убрала в корзину. Нож понадобился бы уже вечером — резать хлеб на чужом столе. Главное было не убрать его на самое дно корзины, под тяжёлое.

Фёдор подошёл рассчитаться за сделанное. Варвара позвала мужа, оба стояли над его раскрытой ладонью, пересчитывали. Денег оставалось мало. Яков отдал, получил расписку, сунул в карман. Фёдор помял шапку, пожелал поставить как следует и ушёл с братом, унося инструмент.

К сумеркам на участке стало тихо. Павлик присел на связку досок, сторожил зелёный ящик. Варвара села рядом. На мальчиковой руке темнела ссадина; когда успел, не сказал, чтобы не отстранили от работы. Она взяла его ладонь, осторожно провела большим пальцем по краю. Павлик не отнял.

С улицы донёлся знакомый женский голос. Матрёна Павловна звала ужинать, сперва всех, потом по именам, потому что сразу никто не пошёл. Яков подхватил корзину, Варвара поднялась вслед за ним. Павлик донёс свой ящик сам. За ними осталось место, где завтра снова будут грузить.

Глава 10. Врозь

Брёвна уходили без них. Павлик стоял на берегу, держал отцовскую шапку и не мог понять, почему так: вещи из дома уже отправляли отдельно, отец собирался сопровождать сруб, а им с матерью велено было ехать позже.

До воды брёвна довели на подводах. Доски уложили отдельно, длинное связали; теперь люди, нанятые заниматься сплавом, возились у плотов. Яков ходил рядом, пытался проверять каждую связку. Один из сплавщиков долго не замечал его замечаний, потом выпрямился и сказал, что свой дом тот знает лучше, а дорогу по воде пусть оставит другим.

Отец отступил. Павлик видел, как он стиснул пальцами ворот рубахи. Так делал, когда не хотел ответить сразу.

Вода была ещё холодная, мутноватая после весны. У края плавала щепка, возле досок крутилась светлая пена. Бревно, по которому Павлик вчера стучал палкой, теперь качнулось под чужой ногой. Метка на нём оказалась перевернутой. Мальчик хотел сказать, что лежит не так, но отец окликнул его, попросил шапку.

Яков надел, проверил узел с едой. Варвара принесла ему ещё хлеба. Он начал было возражать, жена настояла и сама развязала узел, пока он держал. Хлеб не помещался, пришлось вынуть старую кружку, вложить иначе. Муж терпеливо ждал, и Павлику захотелось поторопить обоих: люди у воды уже готовились, а они всё возятся с кружкой.

Потом Яков обнял жену, коротко тронул сына за затылок.

— Мать слушай. Я там ждать буду.

— На нашем месте?

— На нашем.

Он пошёл вниз. Павлик смотрел на его спину, на узел под мышкой. Внизу человек протянул отцу руку; Яков взялся, осторожно переступил. Нельзя было бежать следом, нельзя было проверить, куда под ногами делась вода. Отец обернулся и махнул рукой так спокойно, что мальчик тоже поднял руку, хотя ему казалось, что папа удалился недостаточно, чтобы уже прощаться.

Варвара взяла его за плечо. Они простояли ещё долго. На воде всё двигалось медленнее, чем Павлик ждал: люди меняли положение, перекладывали, звали друг друга, освобождали снасти. Дом нельзя было просто толкнуть и смотреть, как уплывёт. Когда связанные брёвна наконец сместились вдоль берега, мальчик сперва даже не заметил. Только знакомая метка на крайнем ушла из виду.

Мать велела идти. Павлик оглядывался, пока мешавшие дома не закрыли воду. Назад к Матрёне Павловне они шли без отца, и теперь некого было спросить, что делать, если плот придёт раньше них или позднее. Мать на каждый вопрос отвечала одинаково: встретят, разберутся. Павлик знал, что взрослые так говорят, когда ответа у них ещё нет.

На бывшем участке остались обломки, негодное дерево, земляной след. Мать не повела его туда. У Матрёны уже были собраны дорожные вещи, кот сидел под лавкой. Павлик лёг перед лавкой на живот, долго тянул руку, уговаривал Кузьму выйти. Кот таращил глаза и не двигался.

— Он думает, мы ещё куда-нибудь его понесём, — сказал мальчик.

— Правильно думает, — ответила мать.

Матрёна принесла кусочек рыбы. Кузьма вышел, взял, попытался унести обратно. Варвара успела подхватить его за бока. Пока укладывали в корзину, кот истошно кричал; Павлик держал крышку, соседка подавала верёвку. Всё случилось так быстро, что мальчик успел испугаться за кота и обидеться за него. Кузьма замолк только под завязанной крышкой, задышал громко, с негодованием.

Матрёна велела оставить между прутьями щели посвободнее. Они и так были, но Варвара проверила. Мальчик присел возле корзины и сказал коту, что он тоже не хотел. Мать услышала, отвернулась к столу. Приказала Павлику принести ящик: хватит сидеть, ещё собираться.

* * *

В июне они ехали водой. Баржа пахла влажным деревом, чужими узлами и рыбой, которую кто-то плохо завернул. Павлик сидел рядом с корзиной, держал на коленях зелёный ящик. Не позволял матери взять: если сейчас отдаст, дальше придётся спрашивать, куда положили.

Людей было больше, чем он ожидал. Женщина в чёрном платке прижимала к себе свёрток и всё время проверяла его сбоку. Мужчина возле борта курил, пряча огонь в ладонях. Двое мальчишек постарше устроились отдельно от своих взрослых и разговаривали так, будто весь этот переезд был им знаком заранее. Павлик смотрел на них с завистью. Мать тоже заметила и велела не лезть: сидят спокойно, вот и пусть.

Молога сперва оставалась видна. Потом закрыл её поворот, и Павлик поднялся, думая, что с другого края увидит ещё. Мать взяла его за локоть.

— Сиди.

— Я только посмотреть.

— Отсюда смотри.

Он сел. Больше города не увидел. Над водой летели птицы, на дальнем берегу тянулся лес. Несколько раз попадались люди. Они были заняты тем, чего нельзя понять издалека: один тянул что-то к себе, другой размахивал рукой, третий стоял неподвижно у самой воды. Павлик придумал, что тот тоже ждёт свой дом, потом понял, что с такого расстояния вообще не разберёшь, ждёт человек или только остановился.

Мать достала еду. Сама не ела, дала ему хлеб и варёное яйцо. Скорлупа треснула ещё в дороге, к белку пристала грязная бумага. Павлик снял скорлупу медленно, отломил лишнее и протянул половину матери. Она отказалась. Он сказал, что целое не съест. Тогда Варвара взяла, посолила прямо с пальца и съела в два приёма.

Кузьма опять закричал. Женщина со свёртком повернула голову.

— Кот?

— Кот.

— Как бы не удрал. Они на воду не любят.

Мать прижала корзину коленом, проверила верёвку. Павлик сунул палец между прутьями; кот потёрся об него мокрым носом. Мальчик хотел почесать, но Кузьма отодвинулся. В темноте корзины блеснули глаза.

— Это у вас оттуда? — спросила женщина, кивнув назад.

Варвара ответила не сразу. Потом сказала:

— Оттуда.

— Мои родственники тоже собираются. Они всё дом продают, никак не продадут. Говорю, чего вам тянуть.

Павлик ждал, что мать объяснит: дом целиком продавать незачем, можно перевезти, только плохое снять. Но Варвара молчала. Женщина посмотрела на неё, погладила свёрток и больше не спрашивала. Через некоторое время соседка уронила на доски платок. Мать подняла, подала. Женщина поблагодарила, Варвара ответила так любезно, будто после этого снова можно было сидеть рядом.

Павлик задремал. Во сне казалось, что он у себя на кровати, только отец слишком сильно ходит по передней и доски покачиваются. Проснулся от материнской руки. Вокруг уже вставали, брали вещи. Вода у берега была тёмная, по ней расползлось пятно чужой тени.

— Держись за меня, — сказала Варвара.

Зелёный ящик пришлось отдать. Мать передала его человеку впереди, сама подхватила корзину с котом. Павлик захотел крикнуть, чтобы не отдавали незнакомому, но тот уже спустился, поставил ящик на настил и протянул руку мальчику. С берега звали Варвару по имени. Павлик поднял голову и увидел Мишу.

Брат был без пиджака, с закатанными рукавами. Улыбался, будто они приехали в гости, и от этой улыбки стало тепло даже на мокрых досках. Миша взял ящик, помог матери поднять корзину, сказал, что отец здесь, всё привезли. Сказал сразу, не дожидаясь вопросов.

— Целое? — спросила Варвара.

— Целое. Только разложено.

— Знаю, что разложено.

Она смеялась. Павлик смотрел на них и не понимал, чем грузная баржа так отличается от берега. Пять минут назад мать ничего не хотела отвечать, теперь сама спрашивала. Михаил забрал у неё почти всё, оставил только маленький узел. Кота понёс Павлик: корзина была лёгкая по сравнению с банкой, а Кузьма наконец перестал ругаться.

* * *

Яков стоял на участке, возле уложенных брёвен. Павлик увидел его издали и побежал; мать крикнула не трясги кота, пришлось сбавить шаг. Отец подошёл сам, взял корзину и поставил на землю в тень.

— Дошли?

— Доплыли, — ответила Варвара.

Яков обнял её, потом сына. Павлик ткнулся носом в его рубаху и обнаружил тот же запах, что в Мологе, только сильнее пахло смолой. Отец похудел, под глазами пролегли тени. На щеке появилась царапина. Мальчик потрогал её пальцем, Яков отвёл руку.

— Не лезь, заживёт.

— Ты куда стукнулся?

— Доска задела.

Больше отец не рассказывал. Павлик обошёл брёвна, отыскал свою оконную раму. Тряпка сползла с одного угла, стекло осталось целым. Он потрогал край: там, где мать осенью забивала ткань, торчала синяя нитка. Мальчик хотел вытащить её, но остановился. Яков позвал отнести корзину к Елисеевым.

У Елисеевых стало теснее, чем в мартовскую поездку прошлого года. Дарьяна мать лежала за занавеской и плохо поднималась; младший мальчик уже бегал, а девочка вытянулась и сразу объявила, что её зовут Тоня, потому что Павлик опять не спросил. Он тоже назвал себя, хотя она знала. Михаил отнёс ящик к стене, Варвара начала раскладывать принесённое на столе. Дарья велела сперва сесть и сама стала разливать чай.

Ночевать мать с Павликом пока должны были здесь. Яков спал возле своего строящегося дома, под навесом из досок. Павлик обрадовался, тоже захотел под навес, но отец отказал: помогать будешь днём, ночью выспись. Мать начала говорить про холод, Яков махнул рукой. На дворе было лето, и тратить лишнее на ещё один угол он не собирался.

Павлик слушал, не вмешиваясь. После чая вышел во двор и остановился у крыльца. За его спиной в доме Елисеевых говорили, кашляли, ставили на стол кружки. Их собственный лежал на земле, и пройти из комнаты в комнату не получалось. На месте будущей кухни ещё виднелась канава. Её начали засыпать, но не успели закончить. Рядом лежала новая древесина, светлая, не похожая на старое.

Вечером отец вынул из корзины кота. Кузьма присел, вытянул шею, понюхал землю и мгновенно юркнул под чужое крыльцо. Варвара всплеснула руками, Павлик бросился следом. Яков придержал сына за плечо.

— Не гони. Пусть посидит.

Мать присела, позвала тихо. Из-под крыльца не отвечали. Она постояла ещё немного, потом выпрямилась и пошла помогать Дарье с водой.

Павлик остался. Положил на землю кусочек хлеба, хотя кот его не любил, отодвинулся и сел спиной к стене. Сперва не происходило ничего. Потом из темноты показалась морда. Кузьма понюхал хлеб, презрительно отвернулся, сел у самой Павликовой ноги. Мальчик не шевелился. Только когда кот сам прислонился к сапогу, осторожно опустил руку на его спину.

Мимо прошла Тоня. Посмотрела, спросила, кусается ли. Павлик сказал, что иногда, но сейчас нет. Девочка села по другую сторону. Кузьма позволил потрогать себя возле уха. Из дома позвали ужинать; Тоня сразу вскочила, Павлик задержался ещё немного. Кот поднялся вслед за ним, пошёл к крыльцу и остановился, дожидаясь, когда откроют дверь.

Глава 11. Четвёртая стена

Шкаф привезли последним. Пока выгруженные вещи везли от берега на подводах, Варвара успела мысленно похоронить его трижды: сперва при погрузке, потом под дождём, потом на повороте, где колёса вошли в глубокую колею. Но шкаф добрался целый. Дверца открывалась немного иначе — скрипела в самом начале, — и муж сразу сказал, что после просушки поправит.

— Только не ставь на землю, — повторяла Варвара.

Яков уже подложил доски. Михаил с Елисеевым держали, пока он поправлял нижний край; потом шкаф опустили и закрыли от дождя. Рядом встали стол, связка кроватных частей, ящик с посудой. Теперь чужой двор хранил почти всё её хозяйство, а в собственном на участке было некуда поставить даже чашку.

Основание готовили дольше, чем хотелось. Канаву под будущей кухней засыпали, место выровняли, Яков несколько раз менял то, что на снегу представлялось простым. После укороченной передней пришлось заново определять, где будут стены и как ляжет пол. Михаил приносил чертежи, отец смотрел, долго молчал, потом брал карандаш и передвигал линию.

Сын обижался.

— Ты сам скажи, что хочешь. Я сделаю.

— Ты сейчас сделал. Я сейчас и говорю.

— Ты сначала скажи.

Варвара слышала с порога Елисеевых. Хотела выйти, объяснить, что оба хотят одного и незачем тратить день на спор, но Дарья попросила поддержать таз. Пришлось заняться тазом. К вечеру оказалось, что мужчины договорились без неё; обидно было почти так же, как от их долгого несогласия.

В июле начали складывать сруб. Пригласили помощников; Яков работал рядом с ними с утра, а потом ещё ходил по своим прежним меткам, когда люди уже собирались расходиться. Новые брёвна внизу светлели. Выше шло знакомое тёмное дерево, но нигде не оказывалось сразу на привычном месте. Варвара однажды стала у намеченного входа и пошла туда, где раньше была печь. Уперлась в верёвку, натянутую для работы.

— Тут не ходи, — сказал Яков.

— Я помню.

— Видно.

Она перешагнула обратно. Муж подошёл, показал, откуда будет дверь и куда придвинется стол. Пока говорил, держал её за локоть, поворачивал вслед своей руке. Варвара всё понимала, но не хотела поворачиваться: если перестать двигаться, может быть, получится наконец увидеть комнату целой.

Нина пришла в конце дня. Её привёл Константин, нёс чемодан с бельём. Девушка была загорелая, волосы уложены по-новому, на лбу блестели капли пота. Она с порога обняла мать и сразу спросила, где поставить принесённое.

Варвара показала на накрытый шкаф.

— Пока сюда. Ты надолго?

— До завтра. Костя потом зайдёт.

Константин поздоровался с Яковым. По тому, как протянул руку и дождался, пока тот освободит свою, Варвара поняла: уже знакомы, просто ей опять не рассказали вовремя. Нина успела перехватить материн взгляд.

— Я говорила. Зимой. Ты у нас ещё спрашивала, кем он работает.

Варвара помнила вопрос и совсем не помнила ответа. Сейчас мужчина стоял перед ней, высокий, чуть сутулый, с улыбкой, от которой Нина вся делалась внимательной. Мать побла-

годарил за чемодан, пригласила поесть. Он отказался: нужно было возвращаться по своим делам. Сказал, что придёт завтра, и Нина кивнула так естественно, будто они уже давно между собой всё распределили.

Когда он ушёл, дочь спросила:

— Ну, показывайте.

Варвара провела её вдоль новой стены. По высоте сруб уже напоминал дом, хотя наверху оставался открытым. Яков рассказывал про переставленное окно. Нина слушала, вдруг остановилась и оглянулась.

— А передняя где?

— Здесь.

Она ещё раз посмотрела.

— Так здесь мало.

Варвара выпрямила лежавшую на земле верёвку, убрала к краю.

— Укоротили.

— Как это?

Яков ответил вместо неё. Показал на тёмные концы сложенного дерева, объяснил, что пришлось отрезать до здорового. Нина смотрела внимательно, не спорила. От её молчания Варваре хотелось рассказывать больше: зато будет суше, вход удобнее, пол поднимем. Дочь сама спросила, где теперь ей спать, если приедет.

— Место найдём, — ответила мать.

Нина коротко засмеялась.

— Куда ему деться.

— Ты сама понимаешь, дом не новый. Сколько могли.

— Я понимаю.

Яков отошёл к рабочим. С ним говорить было закончено: испорченное дерево показал, причину объяснил, лишнего не просили. Варвара осталась рядом с дочерью. Та присела, погладила край доски, лежавшей на подкладках. Ладонь у неё была загорелая, ногти коротко обрезаны.

— Ты почему не написала? — спросила Нина.

— Я тебе столько писала.

— Про это.

Мать переступила с ноги на ногу. На пятке натёрло: в старых туфлях вода высохла, кожа стала жёсткой.

— У тебя своё. Чего расстраивать.

Нина подняла голову, посмотрела прямо.

— А здесь уже не моё?

Сказать «твое» было легко. Варвара уже открыла рот, но дочь встала, отряхнула юбку и пошла помогать Павлику. Мальчик тащил связку коротких досок, разъехавшуюся по земле. Нина подняла один конец, они донесли вместе. Варвара постояла, потом тоже пошла к делу.

За ужином у Елисеевых было тесно. Дарья мать поела раньше и лежала за занавеской, Тоня всё время выбегала из-за стола посмотреть на кота. Нина держала тарелку на коленях, потому что сесть ей пришлось боком, между матерью и братом. Варвара стала рассказывать про новое расположение кроватей. Дочь слушала вежливо, отодвигалась, чтобы можно было пройти.

— Вы сперва крышу, — сказал Семён Гаврилович. — Места потом расставите.

Дарья молчала. Варвара бросила на неё взгляд: устала, по лицу видно. За последние недели они привыкли работать рядом, стирать, носить воду, одновременно вставать к печи. Варвара однажды, желая помочь, переставила горшки на привычный ей порядок. Дарья потом

полдня искала маленький ковш. С тех пор гостя ничего не трогала без спроса, но теперь ей казалось, что сама её готовность спросить раздражает хозяйку не меньше.

Нина предложила после еды сходить за водой. Дарья охотно дала ей вёдра. Павлик пошёл показывать дорогу. Варвара хотела предупредить про ручку на одном ведре, но дочь уже взяла её, проверила и перехватила по-другому. Справится. Мать осталась у стола и занялась тем, что могла делать молча.

* * *

В августе стены закрылись крышей. Яков ходил усталый, счастливый, почти ничего не слышал с первого раза. Работы меньше не стало, просто теперь можно было оставить внутри инструмент и не бежать среди ночи, когда начинался дождь.

Под крышу первой перетащили посуду. Потом шкаф. Варвара вытерла его ещё раз, открыла дверцы, дала постоять. Внутри пахло не домом, а сыроватым деревом и старыми тряпками. Она вынула вещи, развесила на воздухе. На досках остались тёмные прямоугольники. Сколько ни вытирай, светлее не становились.

Лидия пришла с Михаилом в свободный вечер. Принесла еду, не стала говорить, что помогала готовить специально. Варвара взяла, поблагодарила, повела смотреть переднюю. Уже привыкла к её размеру и почти научилась говорить без оговорок: здесь будет так, там иначе. За новой перегородкой должно было поместиться жильё молодым. Перегородку пока только наметили, и чужой взгляд сразу делал комнату меньше.

Михаил показывал, как встанет кровать. Лидия сняла туфли, прошла по уложенному полу в чулках, остановилась у окна. От неё этого не ждали. Варвара подняла скамью, чтобы девушке было куда сесть, но та покачала головой.

— Здесь тепло от печи пойдёт? — спросила она.

Яков объяснил, где ставить, как будет греть. Печник должен был прийти после. Лидия слушала, подошла к отмеченному месту, посмотрела на обе стороны будущей перегородки.

— Если нам здесь, а Павлику там, ему откуда греть?

Михаил взглянул на отца. Варвара ответила сама:

— К нему будем дверь оставлять.

Лидия кивнула. Больше не спорила про отдельную комнату. Села на скамью, положила туфли рядом и осторожно потёрла ступню. Варвара увидела лопнувший чулок на пятке. Хотела предложить заштопать, но девушка сама подобрала край под ногу.

— Далеко шли, — сказал Михаил, будто виноват был он.

— Не очень, — ответила Лидия. — Я сама эти надела.

Она потянулась за туфлями, но Варвара остановила: посиди, чего обратно обуваться. Девушка послушалась. Яков отошёл к дверному косяку, Михаил принялся объяснять, как проведут свет, когда получится. Варвара слушала, ничего не обещала. Пока у них была лампа и дрова, а расходы уже опередили всё, что думали потратить.

— Мы тогда с весны, — сказал Михаил.

Мать не сразу поняла.

— Что с весны?

Лидия посмотрела на него, он ответил уже увереннее:

— Поженимся. Зиму здесь сначала устроить надо. У меня пока комната есть, у Лиды тоже. А весной придём.

Варвара медленно поправила на скамье полотенце. Она ждала, что оба обрадуются, начнут прикидывать, куда поставить своё, попросят у Нины сшить занавеску. Вместо этого молодые пришли посмотреть дом и решили ещё немного в нём не жить.

— Как хотите, — сказала она.

Михаил хотел добавить что-то, мать уже отвернулась к еде. Нужно было накрывать, пока Яков снова не ушёл работать. Лидия поднялась помочь, ступая тихо. Варвара дала ей чистую тряпку.

Поели внутри, за своим старым столом. Пол лежал не везде, возле стены ещё виднелась земля, и Павлик с особенной осторожностью переносил через это место тарелки. Кот вошёл вслед за ним, обследовал комнату, не нашёл прежней печи и принялся громко требовать объяснения. Нина здесь не была, но Варвара услышала её будущую шутку так отчётливо, что сама улыбнулась.

— Садись, — сказал Яков.

Она села. Впервые за долгое время не нужно было ждать, пока хозяйка у чужой печи закончит своё. Все чашки оказались под рукой, ковш висел там, куда его повесила она сама. Еду ещё носили от Елисеевых, своё тепло только предстояло устроить, но стол был её. Варвара пододвинула Лидии хлеб. Девушка взяла и улыбнулась, не замечая, сколько труда потребовалось, чтобы на этот раз хватило пододвинуть, а не положить ей сразу на тарелку.

Михаил ушёл с невестой до темноты. У калитки оглянулся, махнул матери. Варвара подняла руку, потом вернулась в комнату. Яков уже сидел на скамье, согнувшись, возился с сапогом. Никак не мог ухватить задник. Она подошла, придержала сапог, помогла стянуть. Муж вытянул ногу, закрыл глаза.

— Хорошо? — спросила Варвара.

— Хорошо.

— Лягаешься только.

Он улыбнулся, не открывая глаз. Она поставила сапоги к стене и не стала говорить, что здесь им тоже пока не место.

Глава 12. Первая зима

В новой школе Павла посадили рядом с мальчиком, который всё время занимал его половину стола. Локоть лежал поперёк, тетрадь разъезжалась, от пера летели брызги. Первые два дня Павел терпел, на третий провёл посередине черту. Сосед посмотрел, подумал и провёл вторую — на палец ближе к Павлу.

— Так ровнее, — сказал он.

Мальчика звали Серёжей. Дома Павел называл его Серьгой, хотя при встрече не решался. Серёжа умел стоять на руках, бегал быстрее всех и никак не мог понять, как можно привезти дом. Предлагал Павлику принести в школу хоть кусок, чтобы поверили. Доска не считалась, такую у всех можно найти.

Павел сперва объяснял. Потом замолчал. На четвёртый день рассказал, что в новом доме сделали отдельный ход, про который чужим не говорят. Серёжа заинтересовался. Павел сам не понял, для чего соврал: уже было поздно, пришлось добавлять, куда ход ведёт и чем закрывается.

В декабре сосед увязался за ним. Шёл, притворяясь, что просто по дороге, потом предложил занести сумку. Павел отказался. Возле калитки остановился, сказал, что матери нет. Из кухни выглянула Варвара и крикнула заходить, стынет ужин. Серёжа посмотрел на него с таким удовольствием, что Павлу захотелось толкнуть товарища прямо в снег.

Внутри было холоднее, чем снаружи ожидалось. Печь уже топили, возле неё грело хорошо, но в передней тянуло по полу. Яков сидел у стены, вбивал паклю в щель. Сапоги снял, оставил шерстяные носки; один носок на пятке заштопан белым.

Серёжа поздоровался. Не стал ничего спрашивать при взрослых, только всюду смотрел. Варвара усадила его возле Павлика, пододвинула миску. Отец поднял голову, спросил, из школы вместе? Серёжа ответил бойко. Мать обрадовалась, будто сын уже устроился в новом городе окончательно, привёл знакомого домой и больше ни в чём не нуждался.

Павел ел, не поднимая глаз. Серёжа поглядывал на отца, на стену, на перегородку, закрывавшую пустую пока комнату Михаила. Печь потрескивала, по трубе шумел ветер. В собственном доме хотелось говорить тихо, чтобы никто не узнал, как много из того, что Павел обещал товарищу, здесь не было.

После еды он повёл Серёжу в переднюю. Мать велела не выстудить кухню, дверь пришлось прикрыть. В комнате пахло чистым деревом, свежей побелкой и холодом. Кровать Павлика стояла иначе: теперь изголовье смотрело к перегородке, а не к окну. Ящик он сунул под постель ещё до ужина.

— Где? — спросил Серёжа.

— Заложили.

— Когда?

— Недавно.

Серёжа посмотрел на стену, на пустой угол.

— Сразу бы сказал, что врешь.

Павел молчал.

— У тебя без него ничего. Окно большое.

Он сказал это не утешая, просто посмотрел и заметил. От такого было труднее сердиться. Павел присел, достал зелёный ящик, открыл. Серёжа сразу сел рядом. Ножницы и гвозди интересовали его больше, чем камни. Потом Павел вытащил из-под кровати колесо. Оси у него всё ещё не было, зато можно было похвастаться, что отец найдёт второе.

— Из этого тачку можно, — сказал Серёжа.

— С двумя это не тачка.

— Так назовёшь по-другому.

Варвара позвала их обратно к печи. Серёжа начал прощаться, мать заставила надеть варежки ещё до дверей. Павел вышел проводить. На улице сосед не спросил больше про тайный ход. Сказал, что завтра возьмёт проволоку потолще; отец дома не всё выбрасывает.

Когда он ушёл, Павел некоторое время стоял у калитки. В Мологе с этого места было видно, кто прошёл к соседям и кто идёт дальше. Здесь дорога загибалась иначе, раньше скрывала людей. Серёжа исчез быстро, и пришлось вернуться в дом, не зная, оглянулся он или нет.

* * *

Вода этой зимой стала домашней работой, от которой никто не мог уклониться надолго. Мать приносила, отец приносил, Павел носил маленьким ведром. Большое ему не давали: не донесёт, разольёт, потом ещё скалывать лёд у порога. Он однажды донёс большое сам, залил рукав, сильно озяб. Мать отругала, но вечером велела отцу посмотреть, какой сын вырос. После этого хотелось принести ещё.

У печи теперь сушилось всё сразу: варежки, валенки, носки, полотенца. Своё место нужно было успеть занять. Яков приделал ещё одну жердь, стало просторнее, зато на мокрые вещи всё время капало сверху с других. Кузьма научился протискиваться под сушилкой, не задевая ничего, и Павел считал его самым умным из жильцов.

Щели появились не везде. От этого отец сердился сильнее: видно было, что остальное держит, а здесь опять не сошлось. Он подбирал время между работой и едой, проверял рукой стену, набивал, поправлял. Варвара стояла рядом с лампой. Павел делал уроки у кухонного стола, но слышал разговор.

— Ещё отойдёт? — спрашивала мать.

— Уляжется, посмотрим.

— Ты Дарье говорил, если нормально собрать, не будет.

Отец переставал работать. Павел ждал, что начнёт сердиться, но Яков просто отводил мать вместе с лампой: не туда светит.

— Говорил, — отвечал он.

— И что?

— И делаю.

Мать замолкала. Не сразу уходила, ждала, пока понадобятся ножницы или тряпка. Иногда отец просил, иногда нет. Павел видел, как она переминается, стараясь не наступить на его работу, и хотел позвать к себе, спросить что-нибудь лёгкое из уроков. У матери с уроками получалось хуже, чем с приготовлением еды, а всё равно приятно было бы дать ей ответить.

Яков стал работать неподалёку, на ремонте. Уходил рано, возвращался с запахом мокрой древесины и дёгтя. Дома переодевался не сразу. Если за ужином клонило в сон, Варвара подсовывала под локоть сложенное полотенце, чтобы не стукнулся о стол. Он открывал глаза, делал вид, что вовсе не спал, просил хлеба. Павел смеялся, отец грозил пальцем, но не сердился.

Михаил приходил в свободные дни. Клал на стол деньги, мать убирала, потом вынимала часть и возвращала ему: свадьба весной, хватит всё сюда. Он упрямылся, она тоже. Раньше это обязательно кончалось бы громким разговором. Теперь оба смотрели на Якова, который уже засыпал, и спорили шёпотом.

В один из таких дней Михаил привёл Лидию. Она сшила для Павлика тёплые рукавицы. Большие, с запасом. Он сперва разочаровался: хотелось чего-нибудь собственного, не новой одежды, которую всё равно дадут по росту. Потом надел и обнаружил, что внутри сделана подкладка, мягкая, пушистая. Оставил на руках, пока ел, и мать отняла ложку, велела не пачкать подарок.

Лидия смотрела на него с удовольствием, Михаил тоже. Павел вдруг понял, что рукавицы дарят не потому, что положено к его возрасту, а потому, что собирались, выкраивали, ждали, как он наденет. Он снял их осторожно, положил рядом. После ухода гостей сам повесил сушиться далеко от огня, хотя ещё не успел намочить.

* * *

Нина приехала перед самым концом года. Привезла мандарины, три штуки, завёрнутые в тонкую бумагу. Павел видел их раньше в продаже, но дома давно не ели. Мать начала выговаривать: на это деньги есть, а себе чулки заштопать некогда. Сестра молча достала свёрток, показала новую пару.

— Уже.

Варвара улыбнулась, рукой махнула: ну что с нею. Мандарины оставили до утра.

Ночевать сестре постелили в комнате будущих молодых. Окна к утру затянуло. Нина вышла, обмотавшись одеялом, села к столу и разделила мандарины на дольки, чтобы попробовать сразу могли все. Павел хотел почистить сам, но получил длинную пахучую кожуру и принялся сворачивать её цветком. Сестра тем временем заявила, что если б ей здесь выдали диплом, она бы до весны не смогла развернуть руки. Мать засмеялась, потом вдруг заплакала. Никакого перехода не было: смех поднялся, оборвался, Варвара отвернулась к печи и стала искать что-то в золе.

Павел замер с мандариновой кожурой в руке. Яков сидел за столом, не встал. Нина отложила чашку.

— Мам, я дура. Я пошутила.

Варвара покачала головой, вытерла щёку тыльной стороной руки. Одеяло сползло с Нинино плеча, она придержала и подошла к матери. Та отстранилась, не от дочери — от её попытки сразу помочь.

— Знаю, — сказала Варвара. — Я знаю, что пошутила.

Она пошла в сени. Нина осталась возле печи, Яков поднялся следом за женой. Павел слышал через дверь, как отец что-то спрашивает, мать отвечает: ничего, пустяки. Сестра сняла одеяло, сложила на лавку. Потом поманила его к себе.

— Ты поел?

— Да.

— Тогда показывай тетрадки.

— Чего показывать? Каникулы.

— Чтобы я увидела, как ты учишься. Вдруг стыдно будет говорить, что мой брат.

Он принёс. Нина села за стол, листала внимательно. Нашла исправление, спросила, что было не так. Павел объяснил. Пока говорил, перестал прислушиваться к сениям. Сестра взяла карандаш, заставила его сосчитать, сколько понадобится краски для двух одинаковых досок. Задача оказалась сложнее, чем школьная, потому что она забыла дать ширину.

— Ты сама неправильно, — сказал Павел.

— Значит, исправляй. Для того и пришла.

Он засмеялся. Нина подвинула к нему лист, на котором осталось несколько свободных строк. Снаружи открылась дверь, Яков ввёл мать обратно. У Варвары покраснел нос, но теперь она сердилась, что остывает завтрак. Сестра быстро отодвинула тетрадки, Павел помог собрать.

После еды Нина осталась до вечера. Носила воду, вымыла пол, нашла у матери нитки, зашила Якову карман. Не говорила, что надо отдохнуть; просто бралась за работу и спрашивала, куда положить готовое. Варвара понемногу оживилась, сама принялась рассказывать про соседей, про Тоню, которая теперь у них частый гость, про цену дров. Нина слушала и мыла ковш.

Павел вышел к Серёже. Они принесли толстую проволоку, долго прилаживали колесо. Второго так и не нашли, решили делать одноколёсное. К вечеру Яков взял у них недоделанное, посмотрел, объявил, что из такого получится только уехать в канаву, и сел помогать. Сестра стояла рядом, держала лампу. Мать ушла на кухню, но оттуда всё время спрашивала, не пора ли одеваться к дороге.

Когда Нина уходила, Варвара сунула ей в сумку хлеб и маленький узел с сахаром. Дочь попыталась вернуть, мать отняла сумку и сама завязала.

— Приедешь — ещё поешь, — сказала она. — Не думай, мы здесь с голоду не умираем.

Нина обняла её, на этот раз не отшучиваясь. Павел вышел с сестрой к калитке. Она спросила, не обижает ли его кто в школе. Он хотел рассказать про тайный ход, но сестра уже смотрела на окно, за которым отец поднимал недоделанную тачку. Яков проверял, держит ли соединение, мать стояла рядом и опять что-то говорила.

— Никто, — ответил Павел.

Нина взяла его за затылок, поцеловала в макушку.

— Выше меня станешь, уже не достану.

Он проводил её немного и вернулся. В доме было теплее. Или он просто долго стоял на морозе; Павел не стал проверять, от чего так хорошо протянуть руки к печи. Под новой сушилкой лежал Кузьма, между лапами у него торчала мандариновая кожура. Кот делал вид, что ни о чём понятия не имеет.

Глава 13. Невеста в доме

Лидия привезла свои вещи за три дня до свадьбы. Михаил пришёл помочь, увидел два узла, сундук и обвязанную верёвкой подушку. Раньше казалось, что у девушки ничего своего нет. Оказалось — есть, только всё втиснуто так, чтобы не мешать чужим.

Тётка хлопотала возле печи. Младший, которого в январе так боялись оставить больным, теперь был здоров и путался под руками. Подушку уносить не давал: нравилась верёвка, он собирался сделать из неё поводья. Лидия села перед ним на корточки, развязала, отдала конец. Мальчик тут же забыл, ради чего не пускал её замуж, и убежал.

Тётка вытерла руки.

— Приезжайте. Чего теперь станете, как чужие.

Михаил обещал. Лидия обняла её, на ухо сказала что-то, и тётка вдруг крепче прижала девушку к себе. Миша поднял сундук, вышел, чтобы им не пришлось прятать лица. На улице было сыро, март уже разобрал снег, но земля оставалась твёрдой. Подвода ждала у забора. Сундук поставили осторожно, Лидия сама проверила, не касается ли верёвка острого края.

В Слипе к приезду невесты мать вымыла дом. От этой чистоты Михаил испугался: теперь любое неловкое движение будет выглядеть неблагодарностью. Яков побелил возле печи, поправил крючок у входа. Павел утащил свои вещи в угол передней и несколько раз сообщил, что ему там даже удобнее. Самое неудобное, зелёный ящик, всё равно осталось в проходе.

Лидия вошла, огляделась и сняла платок. Больше не стояла у порога, как год назад. Сказала, что подушку нужно сразу открыть, иначе отсыреет, и попросила показать, где у них теперь полка для белья. Мать охотно показала. Михаил занёс сундук в маленькую комнату и обнаружил, что для него там приготовлена только щель между кроватью и стеной.

— Боком встанет, — сказал он.

Лидия посмотрела на щель.

— Тогда крышка не откроется.

Он попробовал и убедился. Пришлось вынести обратно. Мать предложила поставить возле шкафа; там сундук перегородил бы часть окна. Яков вышел, принёс короткую мерку, посмотрел, подвигал скамью. Решение нашлось в передней: убрали маленький столик, освободили стену. Павел перестал утверждать, что ему удобно, и молча отвёл свой ящик дальше.

Лидия присела рядом с ним.

— Я тебе доску на стол положу. Ровную, шить на ней хорошо, писать тоже.

Павел пожал плечами. Михаил ждал, что девушка начнёт уговаривать, но она поднялась и занялась бельём. Мальчик долго смотрел ей вслед, потом сам подошёл узнать, какая доска.

Мать Лидии приехала из Углича накануне. Её звали Анной Сергеевной Лукиной. Она оказалась невысокой, с густыми седеющими волосами и тяжёлым спокойным взглядом. Варвара встретила её у калитки и в первые минуты говорила за обеих: дорога, погода, вещи, ужин. Анна Сергеевна слушала, кивала, оглядывала дочкины руки. Когда Лидия наклонилась за узлом, мать коснулась её волос, поправила выбившуюся прядь и только тогда улыбнулась.

С нею была младшая сестра, Наташа. Семнадцать лет, острый нос, смешливый рот. Она успела познакомиться с Павликом раньше взрослых и за пять минут убедила его, что на свадьбе следует сидеть прямо, иначе на фотографии вырастет с чужой головой. Снимать их никто не собирался. Мальчик поверил, потом узнал и полдня не разговаривал с Наташей. Та носила ему куски хлеба с маслом, добила примирения к вечеру.

Расписались без большого стечения народа. Михаил больше боялся забыть нужную бумагу, чем самой перемены, но когда Лидия поставила подпись, у него вдруг стало пусто под рёбрами. Её прежняя фамилия оставалась в написанном так же ясно, как новая. Она положила ручку, повернулась и посмотрела на него: ну, теперь твоя очередь перестать стоять столбом.

Он взял её за руку. Кольца не было, только тонкий след от швейной иглы возле ногтя. Михаил провёл большим пальцем, Лидия одёрнула руку: не при всех. Улыбнулась так, что он готов был забыть и бумаги, и пальто на чужом стуле.

К дому пришли вместе с гостями. Селиванов принёс свёрток и долго уверял Варвару, что его не следует сразу разворачивать: пусть сначала молодые. Она всё-таки развернула. Внутри была пара хороших чашек, обе с блюдами. Яков заявил, что теперь можно две надбитые выбросить. Варвара ответила, что целую посуду не выбрасывают. Селиванов засмеялся, и спор оказался частью праздника, а не счётом за прежние зимы.

Нина надела тёмное платье, которое сама переделала, и спрятала иголку в маленький бумажный свёрток: Лидии подколоть край, Наташе убрать разошедшийся шов, матери вернуть петлю. Михаил сперва сердился, что сестра весь праздник работает, потом увидел, с каким удовольствием она берётся за очередное платье, и оставил в покое. Нина шутила, спорила, рассматривала чужую ткань, будто шитьё после всех жалоб снова стало её любимым делом.

Константин пришёл позже. Перед тем, как войти, долго вытирал сапоги. Яков принял его спокойно, помог поставить принесённое. Миша видел по сестре: она следила за каждым движением, не уронит ли, не скажет ли громко. Константин не оправдывал её тревоги, всё делал легко. Когда сел рядом, Нина забыла смотреть на него со стороны и сама пододвинула хлеб.

Елисеевы пришли не все. Дарья осталась с больной матерью, Семён привёл Тоню, та сразу села возле Павлика. Весь прошлый год их семья принимала Соколовых, теперь у Якова с Варварой нашёлся стол для ответного угощения. Мать несколько раз просила передать Дарье, что завтра занесёт. Семён отвечал, что передаст, но пусть завтра сама посмотрит, останется ли чего.

Ели, говорили, перебивали друг друга. За столом поместились тесно, локти приходилось убирать по очереди. Егор Лукич разрезал хлеб ровно, как отмерял доски, и после каждой ломтины искал глазами, кому ещё нужно. Наташа рассказывала что-то Константину, тот смеялся. Нина один раз посмотрела остро, потом сама включилась в разговор, пересмеяла сестрёнку невесты. Михаил узнал свою сестру и порадовался: на свадьбе всё-таки происходило то, что нельзя заранее устроить.

Потом Лидия поднялась, хотела помочь матери убирать. Варвара схватила её за руку.

— Сегодня сиди.

— Так неудобно.

— Мне ещё тебя ловить по кухне, что ли? Сиди.

Лидия села, подняла на Михаила глаза. Он понял просьбу без слов, встал сам. Взял со стола пустую миску, унёс. За ним поднялись Константин и Павел, которому захотелось быть взрослым хотя бы возле грязных тарелок. В кухне трое мужчин едва не столкнулись. Яков велел не геройствовать, поставил часть на лавку. Пока разбирались, Наташа засмеялась так громко, что из передней спросили, кто кого уронил.

Михаил вернулся к жене. Лидия сидела свободнее, ладони лежали на коленях. Он наклонился к ней, спросил, устала ли. Она ответила, что пока не очень, и прижалась щекой к его рукаву. Он замер, чтобы не отстранилась. Селиванов, увидев, хотел что-то сказать, но Нина перебила его своим вопросом. Михаил был благодарен сестре, хотя не смог поймать её взгляд.

Анна Сергеевна наблюдала с другого конца стола. Не улыбалась постоянно, как Варвара; иногда смотрела на дочь, иногда на окно. Уже собираясь на ночь, позвала Михаила к себе, спросила, где у них чистая вода. Он принёс. Женщина вымыла руки, долго вытирала своим полотенцем.

— Она терпеливая, — сказала тихо.

Михаил кивнул.

— Только если устала, не верь, что всё хорошо.

Он посмотрел на тещу, приготовился обещать, но та уже убрала полотенце. Попросила передать Лидии, чтобы подошла на минуту. Михаил передал и ушёл помогать отцу: гостям нужно было устроиться, лишних постелей в доме не появилось.

* * *

Первую ночь всё слышали слишком хорошо. Селиванов ушёл домой, Елисеевы тоже, а родные невесты остались. Нина легла с Наташей в передней, Анна Сергеевна с Варварой устроились на большой кровати; Яков ещё ворчал за стеной, ища, куда положить часы. Павел шептался с Константином, которому по пути позволили задержаться, пока не разберут стол. Михаил стоял в своей комнате и никак не решался закрыть дверь так, чтобы не привлечь внимания.

Лидия взяла его за руку, сама прикрыла дверь. Они постояли в темноте. Свет лампы из кухни просачивался под порогом, показывал на полу узкую жёлтую полосу.

— Ты здесь? — шепнула жена.

— Куда я денусь.

Она тихо засмеялась. Положила его ладонь себе на талию, сама приподнялась, поцеловала. Михаил почувствовал под пальцами гладкую ткань, узкую застёжку, живое тепло. Всё, о чём думал, пока слушал разговоры за столом, оказалось ненужным. Держать её было просто; трудно было не спешить.

Лидия попросила помочь с крючками. Он не попал с первого раза, зацепил нитку. Жена повернулась к нему спиной, придержала волосы. Михаил поцеловал затылок, там, где прядь выбилась из косы; Лидия вздрогнула, велела не мешать самому себе. За стеной засмеялась Наташа. Оба замерли, потом Лидия прикрыла рот ладонью, чтобы тоже не засмеяться.

Когда платье наконец сняли, Михаил сложил его слишком небрежно. Жена поправила складку, повесила на спинку стула. Потом отодвинула его от стула к себе, и обо всём остальном можно было не заботиться ещё немного.

К утру он проснулся раньше. Лидия лежала, отвернувшись, край рубашки сбился на плече. Михаил осторожно подтянул одеяло. Жена поймала его руку, прижала к щеке, не открывая глаз.

В кухне зажигали печь. Варвара говорила шёпотом, но всё равно каждое слово доходило ясно: где вчера оставили ковш, почему Павлик опять бросил валенок на проходе. Анна Сергеевна отвечала ещё тише, без раздражения. В доме начинался обычный день.

Михаил собрался встать, помочь. Лидия удержала руку.

— Побудь.

Он лёг обратно. Из-за стены ещё немного позвали кого-то по имени. Не его. Михаил лежал, слушал, как дышит жена, и впервые не пытался угадать, не понадобится ли он сейчас в другой комнате.

Глава 14. Тамара

Лидия рассердилась на Михаила за то, что он не знал, чем помочь. Раньше такое не сердило. Если не знал — спрашивал, если не мог — шёл за тем, кто может. Сейчас сидел возле её постели, держал собранный узел и смотрел так, что она почувствовала себя виноватой ещё до начала настоящей боли.

— Ты отдай, — сказала она.

— Что?

— Узел. Ты его весь измял.

Михаил положил на стул. Лидия попыталась улыбнуться, не получилось. Он наклонился, спросил, что ещё, и она отвернулась к стене, потому что хотела одновременно ударить его и попросить не уходить.

Было холодное декабрьское утро 1939 года. Снаружи слышались голоса, хлопнула дверь. Лидия уже приехала в город, уже оказалась среди женщин, которые знали, что следует делать дальше, но легче от этого не стало. Варвара осталась дома. Своей матери написать успели заранее, та собиралась, если получится, приехать после рождения. До рождения всё предстояло Лидии самой, и этому никак не помогало спокойное обещание родственниц, что у каждой было так же.

Михаилу велели идти. Он послушался не сразу. Присел рядом, попытался взять Лидию за руку, получил её ладонь горячей и влажной.

— Я недалеко, — сказал он.

Она кивнула. Потом сама притянула его ближе, ткнулась лбом в щеку.

— Не зови всех сразу.

— Не позову.

— Скажешь маме, что я прошу.

— Скажу.

Он поцеловал её и вышел, наконец перестав искать дело, которым можно немедленно помочь. Лидия смотрела ему вслед. Было страшно, что дверь закрылась; ещё страшнее было бы, если бы муж остался и увидел всё, чего она сама о себе пока не знала.

Время потом перестало быть ровным. В одних промежутках удавалось оглядеть комнату, заметить пятнышко на рукаве у женщины, принёсшей чистое. В других не хватало места даже для собственного имени. Лидия цеплялась за короткие слова, которые ей говорили, делала, когда понимала, и сердилась, когда требовали ещё. Никакой особенной терпеливости, за которую любила её мать, не обнаружилось. Она плакала, отвечала резко, просила воды, потом не могла допить.

Однажды захотелось позвать Анну Сергеевну. Не мужа, не Варвару, а свою мать, которая умела убрать со лба волосы так, чтобы их больше не хотелось трогать. Лидия представила, как та сейчас возится в Угличе с чем-нибудь обыкновенным, не знает, что дочь зовёт. От обиды и страха стало хуже. Она ухватила за ближайшую руку, не разглядела чью, попросила только остаться.

Руку не отняли. Немолодая женщина рядом сказала, что здесь, никуда не ушла. Лидия слышала её голос долго, даже когда не понимала слов.

Потом закричал ребёнок.

Крик был совсем не тот, который она ждала. Резкий, сердитый, как будто человеку уже успели сделать что-то обидное. Лидия попыталась приподняться, не смогла, увидела только чужие руки и край маленькой сморщенной щеки. Ей сказали: девочка. Она повторила про себя это слово и вдруг засмеялась, хотя губы ещё дрожали.

Девочку потом показали ближе. Лидия разглядывала её с недоверием. Нос короткий, веки припухшие, на голове тёмное. У ребёнка не оказалось никакого знакомого лица; он был собой, маленьким и непривычным. Это почему-то успокоило сильнее всякого семейного сходства.

Когда Михаил увидел дочь, он долго не мог найти, что сказать. Лидия ждала похвалы, испугалась его молчания и спросила:

— Не нравится?

Он посмотрел на неё, на ребёнка.

— Я думал, больше.

Она рассмеялась, и от смеха стало больно. Миша сразу начал извиняться. Лидия удержала его за рукав, велела помолчать, потому что теперь опять хотелось смеяться.

Домой привезли в свёртке, который все несли слишком бережно. Варвара заранее нагрела комнату. У печи висело бельё, на кровати лежало новое чистое, Павел стоял у порога и мешал пройти, не замечая. Кузьму заперли подальше, чем он был возмущён. Ребёнок спал и не проявлял благодарности ни к одному приготовлению.

Варвара взяла внучку. Лидия отдала не сразу: руки привыкли, в груди поднялся какой-то новый страх, не похожий на боль. Свекровь не торопила, только подставила ладони. Когда девочка наконец оказалась у неё, лицо Варвары переменилось. Стало растерянное и молодое; будто её саму сейчас поднимали и унесли туда, куда она давно не попадала.

— Ну, девочка, — сказала она. — Ну, здравствуй.

Павел вытянул шею. Яков отошёл в сторону, потом вернулся, чтобы посмотреть через Варварино плечо. Миша стоял рядом с Лидией, обнимал за спину. Ей хотелось лечь. Хотелось увидеть, как все радуются. Хотелось, чтобы о ней самой вспомнили хотя бы раз без вопроса о ребёнке.

Яков заметил первым. Пододвинул ей скамью. Михаил помог дойти, сел рядом. Варвара подняла глаза, сразу начала распоряжаться, что нужно подать, что убрать. Лидия закрыла глаза, слушая знакомые голоса. Собственный дом встретил её как гостью, ради которой всё готовили; теперь предстояло заново научиться находить в нём место.

Назвали Тамарой. Имя выбрала Лидия ещё летом, тихо сказала Михаилу, и оба стали иногда называть так будущего ребёнка, хотя могли ошибиться и родить мальчика. Варвара предложила другое, потом второе. Миша ответил, что уже выбрали. Свекровь не спорила, но первые дни говорила только «девочка» и «внучка». Лидия замечала, ничего не напоминала. Однажды ночью услышала из кухни: «Тамарочка, ну что же ты». С той ночи перестала прислушиваться к имени так ревниво.

* * *

Анна Сергеевна приехала через неделю. Лидия увидела её в двери и заплакала так неожиданно, что сама испугалась. Мать не стала спрашивать, плохо ли. Сняла пальто, подошла, обняла. Тамара лежала рядом, громко протестуя против того, что взрослые занялись друг другом.

— Я сейчас, — сказала Анна Сергеевна, не разжимая рук.

Лидия уткнулась ей в плечо. На родной одежде пахло дорогой, сухим хлебом и чем-то давно знакомым из детства. Самые тяжёлые минуты уже прошли, а поплакать об этом получилось только теперь.

Варвара оставила их одних, потом заглянула с едой. Анна Сергеевна усадила дочь, взяла внучку. Девочка унялась не сразу, но бабушка терпеливо ходила с ней от кровати к окну, не делая из этого никакого успеха. Лидия ела, смотрела и чувствовала такую благодарность, что сидеть на чужие советы больше не хватало сил.

Две бабушки не поссорились. Первые два дня это удивляло всех, кто видел, как они по-разному берут одну и ту же вещь. Варвара делала быстро, Анна Сергеевна будто сначала проверяла, не следует ли оставить как есть. Одна ставила поближе, другая освобождала место. Согласие у них возникало не в словах: надо ребёнку чистое, дочери поспать, мужчинам перестать спрашивать, скоро ли ужин.

Яков однажды сам нарезал хлеб, Михаил поставил воду. Павел чистил картошку с видом наказанного, хотя никто не принуждал. Лидия лежала, слушала, как он жалуется отцу на слишком мелкие клубни, и засыпала посреди ответа. Когда открыла глаза, Тамара ещё спала, в комнате было тихо. Такого счастья она прежде не умела представить: никто сейчас ничего не требует.

Нина приехала после Нового года. Называла себя тётей с удовольствием, будто получила новую должность, которую не надо подтверждать экзаменом. Ребёнка взяла уверенно, но сразу прижала не так, Тамара закричала. Лидия протянула руки. Нина отдала, не стала доказывать, что учится медицинскому делу и умеет лучше. Села на край скамьи, попросила показать ещё раз.

Поздней осенью она вышла замуж за Константина. Поженились в ноябре, негромко; в доме Соколовых поели родные, после молодой муж увёз жену в город, к её работе и учёбе. Теперь Нина носила новую фамилию, Ракитина, но при Варваре почти не употребляла. Варвара как будто не торопилась привыкать. Лидия понимала это лучше Михаила: её собственная мать тоже до сих пор говорила, что дочка живёт у Соколовых, словно туда можно просто приехать и потом вернуться.

Нина разглядывала Тамару. На лице у неё было странное выражение — не только улыбка, с которой она вошла. Варвара принялась рассказывать, как внучка спит, что предпочитает, в кого пошла. Девушка слушала, потом спросила, сильно ли трудно было.

Лидия ответила:

— Было.

— А сейчас?

— Сейчас не то. Сейчас хочется, чтобы дали поспать.

Нина улыбнулась, посмотрела на мать. Варвара замерла, держа в руках чистую рубашку. Лидия увидела, как между ними прошло понимание, и только потом поняла сама.

— Когда? — спросила свекровь.

— Летом.

Варвара положила рубашку на стол. Села, провела ладонями по юбке. Счастье на лице появилось не сразу: сперва считала что-то, месяцы и Нинину учёбу. Потом подняла глаза на дочь.

— А ты мне почему раньше?

— Я теперь сказала.

Лидия ждала, что начнётся привычное. Не началось. Варвара подвинулась, посадила Нину рядом, дотронулась до её живота осторожно, через платье. Нина терпеливо разрешила, потом накрыла материнскую руку своей.

Тамара в этот момент проснулась. Сначала тихо зашевелилась, затем расправила лицо и закричала. Лидия забрала её со свёрнутого одеяла, прижала к себе. Нина смотрела так, словно шум пришёл не только из этой комнаты, но и из её собственного ближайшего будущего.

Вечером Михаил вернулся с работы, узнал про сестру, обрадовался. Лидия дождалась, пока он переоденется и поест, потом сказала, что больше не может: с утра мечтала лечь. Тамара долго не успокаивалась. Варвара ходила с нею, Яков пробовал заговорить, Павел прятался от плача за учебником, но слышал всё равно.

Михаил взял дочь. Лидия сначала подсказывала, поправляла, потом закрыла рот. У мужа были большие руки, он держал неуклюже, слишком старательно, но держал. Прошёл от окна к двери, вернулся. Тамара ещё покричала, потом всхлипнула и притихла.

Миша оглянулся на жену с таким торжеством, что ей захотелось поцеловать его при всех. Она только улыбнулась, легла, подтянула одеяло. Последним, что услышала, было тихое мужнино «ну вот». Не ей. Дочери.

Глава 15. Пустая постель

На последний экзамен Нина пришла в платье, которое больше не застёгивалось на все крючки. Зоя помогла с утра, велела не дышать, потом сама рассмеялась: так ведь до вечера не протянет. Пришлось переставить застёжку, положить под ворот маленькую складку. Швейная иглолка перед медицинским экзаменом работала вернее всякой приметы.

Нина боялась забыть простое. Знала, что учила, отвечала на занятиях, справлялась с практикой, но теперь в голове мешались слова и обыкновенные вещи: как держать тетрадь, где поставить сумку, не откажет ли память в самом начале. Другие разговаривали возле двери. Ей хотелось, чтобы замолчали и чтобы продолжали, иначе слышно будет только собственное дыхание.

Когда вызвали, она поднялась не сразу. Живот мешал быстро встать. Кто-то подвинул стул, Нина поблагодарила с лишней сердитостью и вошла. Преподавательница посмотрела на неё, предложила сесть. Раньше Нина непременно решила бы, что ей делают поблажку. Теперь села и была благодарна.

Первую фразу сказала плохо, со сбившимся порядком слов. Остановилась, начала заново. Дальше голос стал её собственным. Задали ещё вопрос, потом попросили объяснить иначе. Нина ответила. Когда вышла в коридор, не сразу поверила, что всё уже позади.

Зоя ждала. У неё оставался свой последний ответ. Нина взяла её за руки, велела не бояться и сама поняла, до чего бесполезные слова говорит. Зоя кивнула, стиснула пальцы так больно, что пришлось не улыбнуться, а зашипеть.

— Иди, — сказала Нина. — Всё у тебя на месте.

— А у тебя нет, — ответила соседка и показала на расстёгнутый край платья.

Они засмеялись. Смех оборвался, когда за дверью назвали Зою. Девушка вошла, Нина осталась сидеть на её стуле. Домой торопиться было незачем. Константин работал, в комнате стояла приготовленная детская постель, от которой пока не было ни шума, ни тепла. Ждать подругу оказалось спокойнее.

Вернулись вместе. На улице было лето 1940 года. Нина уже жила с мужем, но по дороге зашла к Екатерине Ивановне: Зоя обещала отдать ей последнюю ненужную ткань, а хозяйке хотелось услышать, доучились ли наконец. Комната выглядела почти как прежде. У чужой теперь кровати стоял новый сундук, на столе лежала та же Зоина гармошка. Научилась она играть лучше, только Нина от постоянного соседства с инструментом отвыкла и сразу попробовала не пробовать.

Екатерина Ивановна поставила чайник. Спросила, кто у Нины будет. Девушка ответила, что узнают после рождения.

— Всё умеете, а этого не знаете, — сказала хозяйка.

Нина взяла чашку. Смешно было и немного жалко собственное знание, которое любой мог проверить таким простым вопросом.

Зоя подарила ей маленькую рубашку. Сшила сама, неровно; Нина сразу заметила, где следовало бы поправить, и спрятала это выражение. Подруга видела всё равно.

— Перешьёшь. Я не обижусь.

— Не перешью.

— Перешьёшь. Я бы тоже.

Подарок был мягкий, чистый, с узкими тесёмками. Нина положила его в сумку отдельно от остального. Когда шла домой, всё время чувствовала под ладонью этот свёрток, хотя через плотную ткань ничего нельзя было нащупать.

Вера родилась в июле. Константин, которому все заранее обещали сына, увидел дочь и забыл приготовленное имя. Спросил у Нины, как теперь, она назвала. Он повторил, примерил к

маленькому лицу и согласился сразу. Огорчиться тем, что вышло иначе, было некогда: девочка спала мало, ела требовательно, завладевала двумя взрослыми людьми без всякого стеснения.

Рубашка Зои оказалась велика. Нина всё-таки переставила тесёмки, но швы не тронула. Константин заметил и не понял, для чего оставлять неровное, если можно поправить за пять минут. Она ответила, что пусть будет. Муж пожал плечами, сам принёс подушку, сел рядом с ребёнком.

Он хорошо держал дочь. Нина сначала хотела поправлять его, потом увидела, как спокойно Вера лежит у него на руках, и оставила обоих. Костя разговаривал с нею о работе, о погоде, о вещах, которых она ещё никак не могла понять. Зато сам переставал говорить со взрослой осторожностью. Однажды Нина услышала, как муж признаётся дочери, что боится её уронить, а она всё вертится. Она подошла, села рядом. До того дня не знала, что он боится.

* * *

В ноябре Нина пришла к матери с чемоданом и ребёнком. Чемодан взял Константин, но на последних шагах отдал жене, чтобы самому нести Веру. Варвара увидела их из окна, вышла на крыльцо. За её спиной стоял Павел, высокий уже настолько, что можно было не сразу узнать по росту.

Тамара спала. Лидия показала рукой, чтобы тише, и Нина прошла на носках, хотя доски всё равно ответили знакомым звуком. Её собственная дочь не спала: смотрела на новое место, морщила нос, как будто заранее чувствовала, что здесь придётся делиться вниманием.

Оставить собирались до пятницы. Нина вышла на работу в больницу, Константин не мог быть дома столько, сколько требовалось маленькому ребёнку. С матерью договорились заранее. Сначала оставляли на полдня, потом на ночь; Вера уже брала бутылочку, и бабушка кормила её сама. Только теперь, когда пришлось снять с дочери тёплое, уложить в чужую постель и собрать свои руки пустыми, прежних приготовлений оказалось мало.

— Я в пятницу сразу, — сказала Нина.

Варвара проверяла рубашку на Вере.

— Сразу так сразу.

— Если Костя раньше освободится, он придёт.

— Придёт.

— Здесь пелёнки. Я подписала, чтоб с Тамариными не...

Мать подняла голову.

— Нина, ты меня впервые видишь?

Она прикусила губу. Лидия сидела неподалёку, держала на коленях подшиваемое. Коротко взглянула, вернулась к работе. Помогать предстояло и ей, только спрашивала Нина прежде всего Варвару. Теперь захотелось сказать что-нибудь невестке отдельно, поблагодарить заранее. Не нашлось, с чего начать так, чтобы не прозвучало, будто та сама согласилась за всех.

Константин вышел поговорить с Яковым. Нина осталась возле ребёнка. Вера разжала пальцы, тронула её ладонь. Дочь не знала, что за неё уже придумали ближайшие дни, и от этой простоты захотелось немедленно взять обратно всё принесённое.

Варвара подошла, встала рядом.

— Ничего с нею не будет.

— Я знаю.

— Так чего смотришь?

Нина молчала. Мать не стала забирать ребёнка сразу. Посидела с дочерью, дождалась, пока Вера сама отвернётся, заинтересуется знаком на стене. Лишь после этого взяла, подняла к плечу.

— Иди. Опоздаете.

Нина поцеловала дочь, не попала в щёку, губами задела край уха. Вера рассердилась. Пришлось уйти под её плач, не успев доказать, что сердиться не за что.

По дороге муж сказал, что привыкнет. Нина спросила, кто. Он посмотрел, не ответил. Шли какое-то время молча, потом Константин взял её за руку, хотя раньше зимой чаще предлагал локоть. В ладони было теплее.

Первый рабочий день прошёл быстрее, чем она боялась. Дело требовалось сразу, с самого прихода. Кому подать чистое, кого проводить, что записать, где спросить старшую. Нина помнила, чему училась, и всё равно заново узнавала отделение, людей, часы. Домашнее бессонное время казалось бесконечным. Здесь приходил следующий час, и прежнего уже не вернуть.

У окна лежала Полина Михайловна, пожилая женщина с короткими седыми волосами. Она называла Нину «дочка», пока та не попыталась перестелить постель. Тогда имя у неё нашлось сразу.

— Нина Яковлевна, вы меня не ворочайте. Я сама.

Женщина приподнялась, побелела, села обратно. Нина остановилась, пододвинула чистое ближе.

— Я помогу. Вам только повернуться, как скажу.

— Мне уже говорили. Я там тяжёлая.

— Здесь тоже, — ответила Нина и испугалась собственной шутки.

Полина Михайловна посмотрела на неё. Потом коротко засмеялась, но смеяться ей оказалось трудно, пришлось подождать. Старшая сестра вошла, спросила, что опять за веселье, и осталась помогать. Вдвоём справились. Нина вытянула из-под женщины последнюю складку, поправила край. Та долго лежала молча, затем попросила подать маленькое зеркальце.

Нина нашла в тумбочке. Подала, принялась убирать. Пациентка рассматривала себя, поправляла пальцами волосы.

— Вы моим не говорите, что я так неаккуратно лежу, — сказала она.

— Как — неаккуратно?

— Ну, не скажете.

Нина перестала складывать грязное бельё. В памяти встала мать, которая, даже лёжа больная, первым делом просила поправить себе волосы. Она ответила, что не скажет, и Полина Михайловна больше не попросила. Только велела поставить зеркало так, чтобы можно было достать самой.

К вечеру у Нины ныли ноги. Хотелось есть, лечь и увидеть Веру — всё одновременно, а первое приходилось выбирать по порядку. Константин ждал дома. Сварил, переставил посуду, повесил ближе к печке полотенце. Нина вошла, прислушалась и сразу поняла, чего не слышит.

Детская постель стояла у стены. Одеяло было расправлено так ровно, как никогда, когда ребёнок в нём спал. Нина подошла, провела ладонью, повернулась к мужу.

— Завтра не пойду к ней, — сказала она.

Константин кивнул, будто знал, что она собирается.

— А в пятницу пойду.

Он подвинул тарелку. Нина села, взяла ложку, начала есть. Муж рассказывал что-то, потом остановился. Она попросила продолжать. Слушать его было легче, чем сидеть рядом и всё время слышать пустую постель.

В пятницу Вера встретила её без особенной радости. Лежала у Варвары на руках, смотрела спокойно, словно мать никуда не исчезала. Нина взяла, поднесла к лицу, и дочь сразу ухватила её за щёку. Пальчики оказались тёплые, цепкие. Это было самое убедительное приветствие, какое можно получить от четырёхмесячного человека.

Тамара в своём углу ещё не спала, приподнималась, держась за край. Лидия сидела рядом с чашкой остывшего чая. Лицо было серое от усталости. Варвара рассказывала, что обе вели

себя хорошо. Нина слушала, глядела на Лидию и впервые за весь вечер сама предложила унести грязное бельё домой, постирать.

Лидия подняла глаза.

— Унеси. Только верни, в понедельник опять понадобится.

Нина кивнула. Ребёнок лежал у неё на руках, бельё ещё предстояло взять, а в понедельник снова нужно было прийти к этому дому и оставить дочь. Она попросила Лидию собрать, сколько есть. До новой смены оставалось время на стирку.

Глава 16. Апрельская вода

К весне 1941 года Михаил перестал думать о стройке целиком каждый раз, когда приходил на работу. Нужно было сделать своё, вернуться, проверить, не потерялось ли то, без чего завтра опять стоять. Большое сооружение занимало слишком много мелких дней. В одном не сошлась запись, в другом не привезли вовремя, в третьем удалось закончить, и это удовольствие было вполне настоящим, хотя ни одного окна дома от него пока не зажглось.

Теперь он сам объяснял новым, как держать рейку, куда ставить футляр, почему нельзя опираться на вещь всем телом. Лев Фёдорович продолжал сердиться тем же ровным голосом. Иногда слышал собственные слова из Михайлова рта и оборачивался с таким выражением, что Миша сразу узнавал свою первую зиму.

Однажды пришлось ждать у дороги, пока пройдёт колонна заключённых. Не впервые. Михаил работал здесь достаточно долго, чтобы знать, кого привозят на стройку и кто не может уйти домой после смены. Люди двигались медленно, с одинаковой осторожностью на весенней грязи. У одного развязалась обмотка; он остановился, нагнулся, остальные обогнули. Конвойный окликнул, человек выпрямился, сделал несколько шагов, потом снова наклонился.

Михаил стоял с футляром в руке. Можно было переставить с правой в левую, разогнуть затёкшие пальцы, поскорее попасть к своему месту. Он переставил. Рядом Селиванов смотрел на дорогу, лицо не менялось. Миша не знал ни одной из этих фамилий и не мог по лицам определить, кто за что. У людей были мокрые ноги. Эта подробность была понятнее всего остального и от неё куда не удавалось отвести взгляд.

Когда прошли, Лев Фёдорович позвал. Работа ждала. Михаил взялся за ручку крепче, пошёл за ним. Вечером дома он снял обувь, поставил возле печи, долго сидел, глядя на носки. Лидия спросила, что случилось. Ответил, что устал. Он и правда устал, только от ответа жена ничего не узнала.

В апреле начали наполнять водохранилище.

На работе к этому готовились. Говорили о воде задолго до того, как она стала прибывать, обсуждали, что требуется ещё сделать. Михаил помнил схему, которую когда-то принёс родным, но теперь за каждым её простым очертанием находилась работа и земля, которую нельзя удержать прежней. Грязная весенняя вода не выглядела торжественно. В ней шла щепка, ветки, разный мусор, и нужно было следить за тем, что мешает.

Лев Фёдорович не произнёс никакой речи. Проверил записи, велел Михаилу переписать лист: нижний край измят и потом не разберёшь. Тот переписал, отнёс, взял следующее. День кончился как многие прежние, но домой он шёл уже с новостью, которую нельзя сообщить за ужином, не изменив ужин.

У калитки его встретил Павел. Возился с тачкой, доведённой наконец до пригодного вида. Витькино колесо стояло по-прежнему немного криво, зато под нагрузкой держало. Брат вывозил землю, собирался выровнять место возле прохода. Яков помогал после работы, потом ушёл внутрь, велел сыну не делать лишнего.

— Подержи, — попросил Павел.

Михаил поставил сумку, взял ручки. Брат поднял с земли лопату, сбросил остаток, проверил, не задевает ли колесо бок. Раньше старший обязательно показал бы, куда передвинуть. Теперь видел, что Павел и сам понимает, только рук не хватает. Подержал, дождался, отпустил по просьбе.

— Новенькая, — сказал он.

— Да ладно. Вся старая.

— Едет?

Павел кивнул и тут же покати́л показатъ. Колесо застучало по твёрдому. Тачка наклонилась на кочке, брат удержал, обернулся довольный. Михаил поднял сумку и пошёл в дом.

Тамара ходила от стола к скамье, несла ложку, не позволяя никому отнять. Вера сидела у Варвары на коленях, тянулась к ложке и сердито требовала того же. Нина была здесь, собирала дочкины вещи. Константин сидел рядом с Яковом, держал на колене свёрнутую рубаху: тесть как раз объяснял, что нужно поправить на рукаве. Косте в марте исполнилось двадцать восемь; он уже отслужил в армии, а дома после службы снова занялся речным делом. На рубаху смотрел с усердием человека, который не любит портить вещь из-за собственного неумения.

Лидия заметила Михаила, подошла, взяла сумку. Он поймал её ладонь, подержал. На лице жены отразилось удивление, потом усталое удовольствие. Тамара увидела отца и немедленно бросила ложку. Вера закричала, потому что теперь можно было бы получить желаемое, но оно упало слишком далеко.

Яков поднялся, подал ложку бабушке. Варвара убрала за спину, внучка рассердилась ещё сильнее. Дом гудел, дышал, требовал, чтобы вошедший немедленно занялся им. Михаил умылся, поднял дочь. Тамара вцепилась ему в воротник, довольно чмокнула щекой о подбородок.

— Воду пустили, — сказал он.

Мать подняла голову. Нина остановилась с завязанным узлом.

— Уже? — спросил Яков.

— Начали. Наполнять теперь будут.

— Скоро подойдёт?

Михаил покачал головой.

— Не сразу. На годы.

Он не стал объяснять дальше. Тамара попробовала потянуть за пуговицу на его воротнике; Миша осторожно освободил, подставил дочери палец. Женщины молчали, только Вера понемногу переставала сердиться. Константин положил рубаху на спинку стула.

— А Матрёна? — спросил Яков у жены.

— Из Ярославля писала. Уехала.

Варвара произнесла быстро, словно боялась не успеть успокоить мужа. Письмо пришло зимой; Михаил слышал о нём только сейчас. Мать сказала, что соседка живёт у знакомых, просит писать, адрес записан у неё.

Павел вошёл, увидел их лица, перестал стучать сапогами. Мать передала Веру Нине, повернулась к печи. Поставила на стол чугунок, велела подать тарелки. Константин взял сразу две, протиснулся между Михаилом и столом. Лидия пододвинула свободное, Константин встал, чтобы не мешать. За минуту тишина оказалась разобрана на работу. Лидия забрала Тамару, усадила к себе на колени; Михаил придвинул к ним скамью.

— Я летом туда собирался, — сказал Павел.

Яков не обернулся.

— Куда?

— В Мологу. Посмотреть.

Мать остановилась с половником.

— Ты один?

— Я не сказал, что один. С кем-нибудь.

— Нечего там делать. Люди уехали.

— Я знаю.

Павел ответил резче, чем собирался. Михаил увидел, как вытянулась у него шея, как задвигалась жилка под ухом. Брат уже не спрашивал, можно ли выпустить воду обратно. Хотел поехать сам, увидеть, пока есть что видеть. Мать говорила с ним всё тем же голосом, каким когда-то велела не трогать чужой нож.

— Надо будет узнать, как добраться, — сказал Михаил.

Варвара опустила половник в чугунок так громко, что Вера замерла у Нины на руках.

— Ты мне ещё помоги.

Он посмотрел на мать.

— Я сказал, узнать.

— Знаю я вас. Один скажет, второй пойдёт.

Яков взял её за локоть, отодвинул от горячего края. Сказал, что сперва сядут есть, потом будут договариваться, кто куда собрался. Варвара послушалась. Не успокоилась, только села, поправила скатерть перед собой. Павел остался у двери. Нина позвала его, освободила место на скамье. Сел, стараясь не задеть никого, и от этого выглядел ещё длиннее.

Михаил больше не обещал узнавать при матери. Сам ещё не знал, получится ли доехать и что от города теперь доступно. До вечера его собственная новость представлялась простой: сделали следующий шаг, вода пошла. Теперь хотелось вернуться к тому месту, когда он только взялся за ручки тачки и брат ещё мог показать, как едет колесо.

После еды мужчины вышли во двор. Павел стоял рядом с Константином, рассказывал про Серёжу, который придумал укрепить бок. Яков попробовал подвигать колесо рукой, признал, что держится. Миша улыбнулся, ожидая благодарности себе за помощь, но брат уже разговаривал с отцом. Тачку Павел собрал с Яковым и Серёжей; старшему брату сегодня досталось только подержать ручки.

Когда Михаил вернулся с крыльца, Нина ещё собирала вещи. Варвара держала Веру. Девочка вытянула руки к матери, потом задела пальцем пуговицу на бабушкиной кофте и принялась её крутить. Нина взяла дочь, стала застёгивать тёплое. Вера не дала просунуть руку, плакала, отворачивалась. Мать терпеливо ждала, попробовала снова.

— Ба, — сказала девочка. — Ба-ба.

Варвара улыбнулась. Нина подняла голову, на мгновение встретила с её взглядом. Михаил увидел с порога и захотел войти, пошутить, занять сестру чем-нибудь. Не вошёл. Нина сама взяла обе детские руки, поцеловала ладони.

— Вижу, вижу, — сказала она. — Научилась.

Дочь радостно повторила, уже ни к кому не обращаясь, просто понравившийся звук. Нина застегнула последний крючок, подняла её к себе. Константин вошёл, забрал узел. Прощались шумно, напоминая, что забыли, куда положили, когда вернут. Варвара вышла проводить до калитки, но Вера не заплакала. У Нины на руках тоже было удобно.

Михаил постоял в пустеющей кухне. Лидия мыла стол, Тамара подбиралась к её юбке, требовала внимания. Он взял дочь, понёс в комнату. Тамара заметила на стене светлое пятно, протянула руку. Из окна падало позднее солнце. Миша поднёс её ближе, и девочка приложила ладонь к дереву, пытаясь удержать то, чего нельзя было оторвать и забрать.

Он не стал объяснять. Постоял рядом с дочерью, пока пятно не ушло с её пальцев.

Глава 17. Двадцать второе

Утром Константин собирался отнести хозяину треснувшую доску. Уговорились починить ещё неделю назад: хозяин даст материал, Костя поправит, а расход потом сочтут при плате за комнату. Нина напомнила, когда муж только встал. Он ответил, что помнит, и по тому, как быстро ответил, она поняла: забыл.

Было воскресенье, 22 июня 1941 года. Вера проснулась раньше обоих, лежала в постели и пела себе что-то. Нина надеялась поспать ещё, потом дочь научилась вылезать так опасно, что пришлось подняться. Теперь девочка сидела возле неё, мяла краешек полотенца, а мать пыталась одной рукой заплести волосы.

— Подержи, — сказала она мужу.

Константин взял дочь, поднял к окну. Нина закончила косу, умывала лицо, слушала, как он рассказывает ребёнку про птицу, которой за стеклом не было. Придумывал, чтобы отвлечь. Вера тянулась носом к свету и довольно вздыхала.

— Ты доску, — опять сказала Нина.

— Нин, я уже знаю.

— Так я тоже знаю. А лежит всё там же.

Он повернул к ней ребёнка, будто просил защитить от материнской настойчивости. Нина не удержалась, засмеялась, поцеловала дочь. Костя попросил заодно поцеловать того, кто держит. Она поцеловала, велела не мешать ей самой делать себе работу.

Планировали поесть, отнести доску, потом пойти к Соколовым. У Нины были приготовлены чистые рубашки для отца, он наконец разрешил поправить обе. Константин тоже хотел повидать тестя: тот обещал показать инструмент, которым удобнее подогнать. Веру собирались оставить у матери, а сами пройтись немного. Никакого большого праздника не требовалось, только вечер, в который не надо заранее спрашивать, к какому часу вернуться.

До еды Костя вынес доску. Вернулся без неё, объявил, что теперь довольны оба — и хозяин, и жена. Нина поставила перед ним тарелку. Уже одевшись к выходу, заметила на рукаве мокрое пятно от Веры, переодеваться не стала: на другом всё равно появится такое же.

Новость услышали по дороге, возле открытого окна, у которого собрались люди. Сперва Нина подумала, что кого-то ищут. Женщина у окна держала палец у губ, сердито велела не разговаривать. Константин остановился, Нина подошла с ребёнком. Изнутри говорил радиоприёмник.

Она не сразу разобрала, кто говорит. Потом поняла: Молотов. Слова доходили ясно, а смысл всё время убегал к предыдущему, не давал слушать следующее. На нашу страну напали. Немецкие войска. Война. Нина прижала Веру крепче, дочь закапризничала. Женщина рядом попросила унять. Костя взял ребёнка, отошёл на несколько шагов, и Нина вдруг испугалась: уйдёт, потом не найдёт. Он стоял совсем рядом, виднелась его голова, но она всё равно повернулась проверить.

После передачи никто сразу не разошёлся. Спрашивали друг друга, что именно сказали, хотя все слушали вместе. Один мужчина уверял, что сейчас дадут продолжение. Другая женщина заплакала, потом рассердилась на то, что её стали утешать. Нина слушала, не понимая, кому ответить. Константин вернул ей ребёнка, взял сумку.

— Пойдём.

Она пошла. Через несколько шагов спросила:

— Это надолго?

Он посмотрел на неё с жалостью, от которой стало стыдно за вопрос.

— Откуда я знаю, Нин.

— Все говорят, что быстро.

— Не все.

Она хотела спросить, кого он ещё успел услышать. Не спросила. Муж шёл рядом ровно, немного быстрее, чем прежде. Вера тянула ладонь к его щеке, он подставлял, не улыбаясь. Нина подумала, что нужно в больницу, узнать, чего от них ждут. Тут же подумала, что нужно успеть к матери. Две мысли не хотели помещаться одна за другой.

В Слипе уже знали. У калитки стояли Яков и Семён Гаврилович, говорили негромко. Мать увидела дочь, сразу забрала внучку, не спросив, зачем так поздно. Нина вошла, поставила сумку. На столе лежал нож, раскрытая хлебница, тёплое бельё. Ничего не сдвинулось, и это показалось оскорбительным: пусть хотя бы вещи знают, что случилось.

Лидия сидела на полу с Тамарой. Девочка складывала друг в друга маленькие миски, сердилась, когда не получалось. Невестка подняла голову, спросила, где Михаил. Нина не знала. Он был на работе, должен прийти. Лидия сказала, что знает, что на работе, и замолчала.

Павел появился со двора, весь в пыли. Спросил, правда ли теперь будут брать всех, кто старше. Константин посмотрел на него, предложил сперва умыться. Павел ушёл, но не отступил: из сеней продолжал задавать вопросы, ответов на которые никто не имел.

Варвара уложила Веру, вернулась, стала собирать еду. Садиться сама не хотела. Яков заставил, отодвинул лавку, поставил перед ней чашку. Мать выпила, не заметив, что налито, потом спросила мужа:

— И тебя?

Он покачал головой.

— Пока не знаю. Стар я им теперь. Спросят — увидим.

— Не говори.

Яков замолчал. Нина смотрела на его руки. Пятьдесят один год, не старый, но за эти годы она успела привыкнуть, что отец всё знает и, если не отвечает, просто не хочет. Теперь ответ у него был такой же, как у остальных.

Михаил пришёл к вечеру. Вошёл быстро, остановился перед комнатой. Лидия сама поднялась, подошла. Нина отвернулась, чтобы не смотреть, как брат прижимает к себе жену. Слышала только тихое «я здесь», повторённое дважды. Тамара ползла к их ногам, всё ещё держала мисочку. Константин поднял её, поставил рядом с Павликом, и девочка тут же потребовала назад, потому что решила, будто уносят от родителей.

За столом мужчины начали обсуждать явку, бумаги, работу. Нина слушала внимательнее любого другого разговора в своей жизни. Константин сказал, что завтра пойдёт узнавать. Михаил тоже. Никто не говорил, что это ещё ничего не означает, хотя женщинам хотелось услышать именно это.

Лидия унесла Тамару спать. Варвара пошла к Вере. Нина осталась, взяла принесённые отцовские рубашки и положила на скамью. Яков посмотрел.

— Сделала?

— Сделала.

— Хорошо. Спасибо.

Он развернул одну, провёл пальцем по аккуратному шву. Нина вдруг была благодарна, что утром помнила о такой обыкновенной вещи. Отец встал, убрал рубашки в шкаф, вернулся на своё место. Им ещё было о чём говорить до ночи.

* * *

На следующий день затемняли окна. Нина видела, как женщины в городе несут ткань, спорят, чем лучше закрывать. Дома у Соколовых мать приготовила всё сама. Окно, которое хотела поставить к прежней калитке, теперь перестало смотреть наружу по вечерам.

Нина вернулась в снятую комнату раньше мужа. Константин пришёл с повесткой: уже сходил, показал документы, узнал, куда являться. Положил бумагу на стол, снял пиджак. Нина стояла возле печи. Она ждала, что муж сначала подойдёт к ней, скажет что-нибудь. Он принялся вынимать из карманов мелочь.

— Когда?

— Послезавтра к утру. Здесь написано.

— Я вижу, что написано.

Он поднял голову. Сразу понял, зачем она сердится, и от этого стало хуже: опять нужно было объяснять, что она не против бумаги, а против того, как спокойно он убирает из карманов ненужное.

— Я не знаю, что сказать, — признался Костя.

Нина села. Ладони легли на колени, пальцы сами стали искать нитку, которой здесь не было.

— Я тоже.

Он подошёл, присел перед ней. Впервые оказался ниже, как мальчишка, который натворил и ждёт. Нина взяла его за волосы, погладила затылок. Кожа под пальцами была тёплая, знакомая. Муж уткнулся ей в живот и просидел так долго, пока не перестало быть неловко обоим.

Собираться начали вечером. Костя пробовал взять только нужное, Нина добавляла то, что представлялось нужным ей. Из-за полотенца поссорились: старое уже положил, новое она вынула из шкафа сама. Он сказал, что жалко. Она спросила, для кого беречь. Муж замолчал, взял новое и положил поверх.

Вера спала у Соколовых. Нина не успела забрать и впервые не стала обещать себе, что завтра наверняка возьмёт. Пока муж дома, нужно было провести дома эти часы. Кроватку отодвинули, чтобы не мешала проходить к шкафу. Пустое одеяло осталось в темноте, а на их взрослой постели лежали рубашки, носки и маленький узел с едой.

Константин поднял купленный когда-то сборник стихов. Он стоял на полке, между хозяйской чашкой и Ниниными учебными бумагами. Раскрыл, увидел на первой странице её фамилию, подписанную ниже прежней чужой. Нина забрала книгу, села рядом.

— Не возьму, — сказал он. — Порвут.

— Я и не даю.

Они помолчали. Она открыла на первой попавшейся странице, не прочитала ни строки. Муж положил ладонь поверх, закрыл. Нина отнесла на полку. После его ухода здесь всё это останется, и нужно будет по-прежнему не забывать убирать мокрое полотенце с чужой стены.

Ночью Костя не спал. Нина слышала по дыханию. Не спрашивала. Лежала рядом, положила ладонь ему на грудь, считала удары, потом сбивалась и начинала думать о другом: бумагу для писем, куда положила, не забыть дать. Он повернулся, нашёл её лицо в темноте.

— Ты Верке скажи, — шепнул он.

— Что?

— Я потом приду. Пусть не забудет.

Нина прижалась к нему, закрыла глаза. На губах чувствовалась соль, и невозможно было понять, кто из них плачет. Муж обнял её крепче. Некоторое время не было ни завтрашнего дня, ни бумаги на столе, только его плечо и простыня, которую она смяла под рукой.

Утром он сам поднялся за водой. Нина слышала, как возится с ведром в сених, как проверяет ручку: вчера расшаталась, надо бы поправить хозяину. Потом вернулся, поставил у двери и долго смотрел на свои руки, будто решал, за какое дело взяться первым.

Она принесла новый шнур для узла. Сели рядом на пол, стали перевязывать.

Глава 18. Кому обратно

К Соколовым они пришли днём. Костя хотел перед уходом увидеть дочь, а Нина всё откладывала дорогу: пока собирались идти, оставалось дело, после которого ещё можно было вернуться вдвоём. Теперь она несла узел с детским бельём и злилась, что даже в такой день руку оттягивает мокрая тяжесть. Не досохло, пришлось снять. У матери развесит.

Вера стояла у скамьи, держась за край. Завидев отца, засмеялась так, что присела и ударилась подбородком. Смех оборвался. Константин подхватил её, прижал к себе; Нина шагнула следом, но мать уже шла с чистой тряпочкой.

— Дай посмотреть.

— Она не до крови, — сказал Костя.

— Всё равно.

Варвара попробовала приподнять внучкин подбородок, Вера заревела сильнее, оттолкнула руку. Костя отвернулся вместе с нею.

— Мам, оставь, — попросила Нина.

Варвара остановилась. Сложила тряпочку, положила на стол. Девочка у отца на плече всхлипывала, постепенно успокаивалась. Константин походил с ней по комнате, показал ей что-то на полке, приблизил к окну. Нина сняла платок. Голова была горячая, будто всё время шла по солнцу, хотя дорога этого не требовала.

Отец сидел у стола. Перед ним лежала старая кожаная сумка, которую он разыскал с утра. Мать вынула её из шкафа, натёрла, теперь на сгибах блестело тёмное. Яков хотел отдать зятю: на ремне удобнее, чем узел.

Константин посмотрел, поблагодарил, сказал, что уже сложил.

— Так переложи.

— Пап, там мало у меня.

Нина заметила, как отец тронул языком губу. Ненужную сумку некуда было девать. Она быстро предложила взять её себе: с работы носить, у старой ручка не держится. Яков кивнул, подвинул ближе. Нина поставила под скамью, где сумка сразу закрылась их ногами.

Лидия приняла мокрое бельё, ушла развешивать. Из-за двери донёсся голос Тамары. Мать ответила ей строго, потом засмеялась: девочка хотела подавать прищепки все сразу. Варвара подала Косте чашку, он не мог взять, пока Вера обнимала шею. Пришлось поставить на стол и ждать. Никто не знал, какой разговор полагается вести.

Павел вошёл с Серёжей. Приятель, увидев гостей, поздоровался и сразу попятился. Павлик не удерживал. Сам остался возле двери, расправлял пальцами замятый ворот.

— Ты пиши, — сказал он Константину.

— Буду.

— А куда тебя?

Костя покачал головой. Павел хотел ещё что-то спросить, но отец велел сесть. Он не сел, подошёл к Вере, протянул палец. Племянница схватила, попробовала подтянуть к себе. Увидев, что её снова можно развлекать, Павел присел и скорчил лицо. Вера захохотала, прижимаясь к отцу, а он продолжал, потому что теперь занятие нашлось.

Нина смотрела на них и не могла решить, радоваться ли тому, что дочь ничего не понимает. Потом рассердилась на себя: что она хотела, чтобы одиннадцатимесячная девочка сидела вместе со всеми и боялась? Вера опять схватила Павлика за нос. Тот засопел, терпел, ждал, пока отпустит.

Костя опустил дочь на пол. Она села возле его ботинка и стала исследовать шнурок. Варвара накрыла на стол, позвала Лидию. В сенях переставляли ведро, Тамара канючила, не хотела отдавать последнюю прищепку. Мать сказала, что пусть принесёт, не жалко.

Михаила ждали, но он не пришёл. Нина спросила, где брат. Варвара только махнула рукой: с утра по своим бумагам, потом на работу, кто теперь знает. Вчера до ночи разбирались, сегодня опять велели явиться. У Нины от этих слов стало холодно под рёбрами. Она посмотрела на Лидию, та занялась детской чашкой, словно не слышала.

Ели мало. Яков отломил хлеб, положил зятю, потом заметил, что тот уже держит кусок, и забрал обратно. Константин принялся говорить о работе: какую вещь не успел закончить, кому передал, чтобы не искали. Говорил не хвастаясь, просто там ещё оставались люди, с которыми его связывало завтрашнее утро. Отец слушал внимательно, задал вопрос, и Костя впервые за весь день ответил целым длинным предложением.

Варвара встала за добавкой. Константин поймал её запястье, попросил не надо, больше не может. Мать посмотрела на него, села. Нина отвела глаза. Такое простое движение у мужа получалось легче, чем у неё за двадцать четыре года.

Когда пришло время уходить, Вера спала. Её уложили на родительскую постель, там было прохладнее. Варвара хотела разбудить, Костя не позволил. Постоял рядом, осторожно коснулся тонких волос. Нина задержалась у двери комнаты, чтобы дать ему побыть. Он обернулся к ней, позвал взглядом. Она подошла.

Дочь разметалась, пальцы одной руки раскрыты, другая прижата к щеке. Константин наклонился, поцеловал её так легко, что девочка не проснулась. Потом провёл ладонью по спине Нины, подержал между лопатками. Она не смогла ни обнять его, ни отойти. За стеной мать говорила Павлу, чтобы закрыл калитку: опять на ветер оставил.

— Пойдём, — сказал Костя.

Во дворе Варвара обняла его первой. Прижала к себе, стала говорить в плечо то, что слышал только он. Он кивнул, отступил, неловко вытер щёку. Яков пожал ему руку двумя своими. Павел полез обниматься, ударился подбородком о плечо, оба невольно поморщились. Лидия стояла с Тamarой на руках. Девочка требовала на землю. Костя погладил её ногу, пошутил что-то про большую, и Лидия вдруг заплакала.

— Да ты что, — начал он.

Она отвернулась. Нина забрала сумку у отца, показала, что всё помнит. Мать подняла руку, хотела ещё что-то сказать; дочь поспешно кивнула, сама не зная чему. Костя открыл калитку. Нина вышла следом. За спиной долго звенело ведро: Лидия вернулась к белью и всё задевала его, проходя по узким сеням.

На обратном пути Костя попробовал взять у неё отцовскую сумку. Нина не дала. Ему предстояло нести своё, ей — это. Он больше не настаивал, только иногда смотрел, не устала ли.

* * *

Утро отъезда Нина запомнила чужими голосами. Муж всё время находился рядом, можно было потрогать за рукав, а к ней обращались незнакомые женщины: просили подвинуться, придержать, сказать, не видела ли кого. Возле места сбора толпились люди, мешали проходу, сердились друг на друга от бессилия. Мужчина с узлом протискивался боком, женщина не хотела выпускать его локоть, и он шёл как со сломанной рукой.

Костя нашёл знакомого. Они поздоровались, спросили по одному короткому вопросу. Нина смотрела на другого, мысленно прикидывала: старше, наверное, дети уже большие, ему лучше. Тут же увидела, как он пальцами прячет внутрь узла детский рисунок, чтобы не измялся снаружи. Знакомый заметил её взгляд, кивнул, отвернулся. Нине стало стыдно, словно она заглянула в чужую постель.

Муж попросил не стоять на дороге. Отошли к стене. Нина поставила сумку между ног, поправила ему воротник. Он перехватил руку, прижал к губам. С того дня, как прозвучала

новость, им всё время требовалось касаться друг друга: проверять, что ещё здесь, только отступить на полшага.

— Ты ешь, — сказал он.

— Что?

— Я вижу. С утра ничего.

— Поем.

Костя достал из своего узла кусок, хотел разделить. Она остановила. Он всё равно отломил, сунул ей в руку и смотрел, пока не откусила. Хлеб царапал сухое небо. Нина жевала, глядя ему в лицо, будто ей велели сделать это по порядку перед тем, как разрешат остаться.

Позвали. Сначала непонятно кого, люди не двинулись. Потом голос повторил громче, мужчины зашевелились, стали освобождать руки. Костя подтянул узел. Нина хотела подать ремень, которого не было: отец предлагал сумку, они отказались. Пальцы поймали воздух. Муж увидел, взял их, разжал.

— Не потеряй, — сказал он.

Она не поняла чего. Собственной руки, сумки, себя. Кивнула. Константин поцеловал её в губы, сильно, не так, как целовал при людях раньше. Потом ещё раз, уже в щёку. Отступил и сделал шаг.

Нина пошла с ним. Муж посмотрел, не останавливая, и она успела сделать ещё два шага, прежде чем пришлось свернуть: дальше проходили только мужчины. Возле неё женщина продолжала держать мужа за локоть, теперь он сам осторожно снимал её пальцы. Нина застыла. Костя вошёл в тесную группу, повернулся, сразу нашёл её.

Видела его, пока люди не передвинулись. Потом исчез, появился дальше. Она поднялась на носки. Кто-то задел сумку, Нина подхватила и уже не смогла поймать его взгляд. Впереди двигались головы. Мужчина в светлой рубашке обернулся; на мгновение сердце забилося так сильно, что стало трудно дышать, но это был другой.

Люди понемногу расходились. Некоторые оставались, ждали, что выйдут ещё раз. Нина постояла с ними. Женщина рядом вытащила из кармана платок, обнаружила в нём завернутую пуговицу и заплакала с такой злостью, что Нина невольно отступила. Та извинилась, хотя её ни о чём не просили.

Нина вернулась в комнату. На столе лежали крошки. Утром было не до них, теперь они показались нечистотой, которую обязательно надо убрать прежде, чем что-нибудь делать. Она смахнула в ладонь, подержала, не зная куда. Положила на край стола. Умывалась долго, холодная вода стекала по рукам внутрь рукавов.

В больницу пришла раньше, чем требовалось. Женщина, принимавшая смену, спросила, разве не послезавтра. Нина ответила, что может помочь сегодня. Та посмотрела на неё, ничего не стала уточнять, отвела к работе. Нужно было перенести чистое, посчитать, узнать, что оставалось от предыдущих. Одного человека нельзя было оставить без присмотра, другой никак не понимал, почему от него требуют лежать, когда ничего не болит.

До вечера Нина почти не думала о Косте. К вечеру вернулось сразу всё. Она стояла с полотенцем в руке и не могла вспомнить, сухое оно или мокрое. Потрогала, снова забыла. Старшая сестра велела отдать и пойти есть. Нина послушалась, потому что сейчас ей было легко подчиняться любому, кто говорил определённо.

После работы долго искала отцовскую сумку. Оказалось, убрала в другое место сама. Внутри лежал мужской носок. Костя примерял, отложил заштопать, Нина машинально сунула вместе с нитками ещё дома. Она сжала его в кулаке. Потом расправила и положила обратно: заштопает, не выбрасывать же целую пару из-за одной дырки.

* * *

Михаилу документы вернули не сразу. Он ждал вместе с другими, успел устать от собственной готовности услышать фамилию. При каждом похожем начале вставал, приглядывался, садился. Кто-то шутил, что так только в женихи на свадьбе выбирают. Никто не засмеялся. Потом шутник сам ушёл к двери, и там с ним заговорили уже серьёзно.

Михаил состоял в запасе. Явился, как требовалось, показал своё, назвал работу. Само название стройки ни от чего не освобождало: приходили оттуда же, а дальше расходились по-разному. Один знакомый уже получил повестку. Другого отправили за недостающей бумагой, и он сердился, потому что снова терял время, не зная, чьё теперь это время.

Когда вызвали Соколова, Миша вошёл быстро, прежде чем могли передумать. За столом сверили фамилию с записью, задали несколько вопросов о работе. Он ответил, начал объяснять, что раньше делал другое, потом понял, что лишнее никого не интересует. Человек за столом ещё раз посмотрел в бумагу, подтвердил: по нему отсрочка оформлена, оставляют на строительстве. Назвал, куда передать полученное. Михаил переспросил, потому что первую половину слышал, а вторая не уместилась в голове.

Ему повторили. Он сложил документы, поднялся. У двери хотел спросить, до какого времени, но там уже ждали, следующий входил, и вопрос не вышел. На улице развернул бумаги, посмотрел ещё раз. Собственная фамилия выглядела совершенно обычно. От неё не было ни радости, которую ожидал, ни стыда, которого тоже успел испугаться. Сначала захотелось пить.

Домой пришёл поздно. Лидия сидела у стола, держала на коленях не спящую Тамару. Девочка слишком устала за день, сердито отталкивала и мать, и подушку. Увидев отца, протянула руки, тут же передумала. Миша всё равно взял, прижал к себе. Она закричала, потом спрятала лицо в его воротник.

— Остаюсь, — сказал он.

Жена закрыла глаза. Сидела так, не отвечая, потом поднялась и подошла. Обняла обоих сразу. Тамара попробовала вылезти, ей стало тесно. Родители расступились, и Лидия осторожно забрала дочь обратно.

Варвара вышла из комнаты. Спросила, точно ли. Михаил положил бумаги перед ней. Мать не взяла, посмотрела издали, кивнула. Яков подошёл, поднял, прочитал. Вернул сыну. Никто не произнёс того, что за два дня до этого казалось бы несомненным: повезло.

Нина появилась на следующий вечер. Усталая, с отцовской сумкой, которую теперь несла через плечо. Михаил хотел спросить, как проводила, но сестра заговорила сама. Рассказывала про знакомого Кости, который тоже уехал, про женщину с пуговицей. Не плакала. Миша стоял у двери, держал на руках Тамару. Сестра заметила, спросила, спит ли.

— Почти.

— Отнеси. Я потом доскажу.

Он отнёс. Вернулся, Нина уже сидела с Верой. Дочь по очереди снимала ей пальцы с ручки сумки, забавлялась. Миша подсел, попытался продолжить разговор. Нина сказала, что теперь всё равно придётся ждать письма: адреса ещё нет, куда писать, не знает. Потом подняла глаза на брата.

— Тебя оставили?

Он кивнул.

— Хорошо, — сказала она.

Это прозвучало искренне. Михаил вдруг понял, как сильно готовился услышать другое, и не знал, что делать со своей подготовкой. Вера расправилась с последним пальцем, ручка упала. Нина поправила сумку, усадила девочку удобнее.

— Дай её мне, — предложил он.

— Посиди просто. Я ещё подержу.

Михаил остался рядом. Вера положила ладонь ему на колено и некоторое время разглядывала, кто здесь такой. Потом снова занялась материнской рукой. Миша не шевелился.

Глава 19. Не сейчас

Раненый не хотел отдавать сапог.

Нина узнала об этом прежде, чем увидела его самого. Из палаты вышла Анфиса Ильинична, старшая сестра, сухо сказала, что новенькому опять всё не так, и попросила зайти: у неё нет больше рук на одного Григория. Нина взяла чистое, понесла. В коридоре пришлось подождать, пока пройдут с носилками. Мужчина на них лежал с открытыми глазами, смотрел в потолок; на уровне её лица проплыла его ладонь, обёрнутая чем-то белым.

Григорий сидел на кровати. Раненую ногу уложили, другую он свесил вниз. На здоровой был сапог. Второй стоял рядом, раскрытый, с засохшей грязью по краю. Нина поставила свёрток и попросила лечь.

— Сейчас.

Он продолжал нагибаться. Рукой не доставал до сапога, тянулся, злился, отталкивал простыню. Нина придвинула обувь ближе, не успела спросить, что ему нужно: Григорий схватил голенище и спрятал под одеяло.

— Ну вот. Теперь ложитесь.

— А тот?

Она поняла, что он и со здоровой ноги не позволяет снять. Села на край соседнего свободного стула, чтобы не нависать. Парень был молод, младше неё. За последние недели Нина научилась угадывать, когда возраст на лице прибавлялся из-за бороды, а когда от боли. Этот успел стать старше за одну дорогу, но никак не мог решить, как разговаривать с женщиной, которая велит раздеться.

— Здесь ваши вещи останутся, — сказала она. — Никуда без вас не денутся.

— У того остались.

— У кого?

Григорий посмотрел исподлобья. Потом назвал фамилию, ничего ей не объяснившую. Нина не стала спрашивать, куда и с кем его везли, где пропало чужое. Ему пришлось бы повторять это вслух, а ей — притвориться, что можно немедленно всё исправить.

— Под кровать поставлю. Сами увидите.

Он потёр щёку, провёл ладонью по рту.

— Не сейчас.

Сосед с забинтованным плечом обернулся.

— Гриш, хорош тебе. Никто тут в сапогах не спит.

— Ты спи как хочешь.

— Да пожалуйста.

Сосед отвернулся. Нина подождала ещё немного, потом встала за Анфисой Ильиничной. Старшая посмотрела через дверь, вошла сама. Подвинула стул ближе, велела Нине придержать ногу, чтобы парень не дёргал. Григорию сказала так буднично, будто речь шла о забытом пустяке:

— Пару вместе поставлю. Под кровать, к стене. Потом пощупаешь.

Он ещё некоторое время не отвечал, наконец протянул ей носок. Пока снимали, смотрел в окно. Под одеялом оказался и второй сапог, Нина достала. На простыне остался чёрный след. Она заметила, как Григорий быстро глянул туда, потом опять отвёл глаза.

— Всё равно менять, — сказала Анфиса Ильинична.

В коридоре Нина спросила, часто ли так бывает. Старшая пожала плечами: всяко бывает. Затем остановила её, поправила косынку, которая съехала назад.

— Ты ела?

— Да.

— Давно?

Нина попробовала вспомнить. Анфиса Ильинична посмотрела на её лицо, велела сперва убрать чистое, потом идти. У Нины нашёлся ещё вопрос про вечернее назначение, и женщина сразу стала другой: слушала внимательно, повторила, что делать, попросила показать запись, потому что на память сейчас не надеялась ни на чью.

К осени в больнице постоянно что-нибудь передвигали. Нина приходила и находила знакомый шкаф у другой стены, койку там, где вчера стоял стол. Обычные больные оставались обычными: жаловались на соседа, хотели домой, ждали облегчения. Раненые тоже не сделались одинаковыми от того, что приехали с войны. Один шутил с каждой, которая проходила мимо. Другой молчал днями, а потом не мог остановиться из-за потерянной ложки. У одного Нина боялась спросить лишнее, у другого не успевала ответить на прежнее.

С гражданской работы она не уходила. Приходила по своему порядку, оставалась, когда требовалось, иногда менялась с женщиной, у которой заболел домашний. В такие дни Веру забрать не удавалось. Нина передавала с кем-нибудь, что придёт позже, потом не приходила в обещанный день и начинала следующий с мысли о том, как объяснить это матери.

Письмо от Кости лежало в отцовской сумке. Уже третье. Первое пришло в июле, и тогда всё вокруг как будто снова обрело срок: вот адрес, можно ответить, есть куда послать слово. Теперь Нина доставала последнее на несколько минут, возвращала, потом опять трогала снаружи, проверяла, на месте ли. Муж написал, что здоров, что получил её письмо, что о Вере надо подробнее. Не «растёт хорошо», это и без того понятно. Как именно растёт, что делает. Нина ответила про два зуба, потом поняла, что не знает, сколько теперь.

В конце сентября вырвалась к Соколовым. Шла без ребёнкового белья, всё осталось у матери. В этот раз несла муку, которую удалось достать, и маленький гребешок: у старого откололись зубцы, Варвара жаловалась в прошлый раз. По дороге думала, что нужно спросить про свои выходные. Хотела взять дочь на два дня, только прежде узнать, не поменяют ли снова. Так и построила в уме разговор: сперва точно знать, после обещать.

Вера пошла сама.

Нина увидела с порога, как дочь, держась за скамью, обогнула угол, отняла одну руку, вторую. Постояла, качнулась и сделала три шага к бабушке. Варвара ждала, вытянув руки, не касалась, пока девочка не стала падать. Поймала, прижала к юбке. Тамара сердито затопала: ей тоже хотелось, чтобы ловили. Лидия взяла её за руки и подняла так высоко, что та от удовольствия зажмурилась.

Нина поставила сумку. Не успела сказать, что видела. Мать обернулась, обрадовалась:

— Иди, гляди какая у нас!

Она опустила внучку, повернула к дочери. Вера постояла, согнула колени, села. Нина присела перед ней, протянула ладони. Девочка поползла. Мать хотела поднять обратно, показать, но Нина остановила. Пусть так.

Пахло от Веры тёплым молоком и тряпичным зайцем, которого она таскала за ухо. Игрушку сшила Лидия из обрезков, не набила до конца, потому что девочка иначе не могла держать. Нина обняла дочь, поцеловала темя. Вера вскоре заёрзала, попросилась на землю. Нина опустила, сама осталась сидеть на корточках, пока затекшие ноги не заставили встать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.